

3

Исай ДАВЫДОВ Я ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ 1000 ЛЕТ

@ЭЛИТА

16+

Я вернусь через тысячу лет

Исай Давыдов

**Я вернусь через
тысячу лет. Книга 3**

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Давыдов И.

Я вернусь через тысячу лет. Книга 3 / И. Давыдов — Электронное издательство "Аэлита", 2014 — (Я вернусь через тысячу лет)

На Западном материке планеты Рита обнаружены записи таинственного «бога» Нур-Нура, астронавта из иной планетной системы. Когда записи расшифрованы, землянам открываются страшные факты истории планеты Рита. На этом фоне развиваются отношения Розиты и Сандро, которые стали настолько запутанными, что разрешить их практически невозможно... В романе немало исторических параллелей, поэтому прочитать его будет небезынтересно всем, кто задумывается над тем, откуда мы пришли и куда идём.

Содержание

Часть 1. Расшифрованный Нур-Нур	5
1. Коэмы с неведомой планеты	5
2. Знакомство сидя на полу	11
3. По пути к космическому «Феномену»	15
4. Тайна движения НЛО	24
5. Бусы для избранницы вождя	30
6. Нур-Нур среди аборигенов	38
7. Астронавты и каннибалы	40
8. Опять отрубленные головы...	44
9. Где искать жизнь в Галактике?	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Исай Давыдов

Я вернусь через 1000 лет. Книга 3

Часть 1. Расшифрованный Нур-Нур

1. Коэмы с неведомой планеты

– Хочу, чтобы ты сразу понял, кого слушаешь сейчас и с кем, возможно, тебе придётся иметь дело в будущем, – так начинает Нур-Нур первую свою коэму. – Поэтому сначала – о моей родине. Ты должен знать, почему здесь оказался я и могут оказаться другие, такие же, как я.

...Он показывает мне свою страну, и я плавно лечу в прозрачном шаре над её городами, лесами, полями, озёрами, извилистыми реками, по линейке прочерченными каналами, изящно изогнутыми дорогами. Города здесь в основном двух типов: выросшие из древних крепостей и охватившие их концентрическими кругами жилых кварталов, которые живописно впитали в себя все неправильности земли, или современные, новые, расположенные чёткими прямоугольниками и ромбами, подмявшие под изначальную заданность все вольности отведённых им участков. Просторная, широко, вольготно размахнувшаяся по планете страна, равномерно насыщенная городами и живописными посёлочками, заводами и искусственными водохранилищами возле плотин, космодромами и первозданными заповедниками, охваченная морями, пропоротая в разных направлениях горными кряжами, кажется спокойной, мирной, вполне благополучной. Нигде на её просторах не стреляют, не видно изготовившихся к бою армий или толп протестующих людей.

– Понравилось? – спрашивает Нур-Нур. – Хороша моя земля?.. Хотя бы на первый взгляд... Я долго думал, что она лучше всех на свете. Про это мы с детства слушали песни и пели их сами. С этим я вырос. Этим гордился. Хотя какие-то сомнения возникали. Стоило поглубже копнуть историю – и возникали сомнения. Но они тревожили душу, и я гнал их прочь. Всё же что-то оставалось от них, врезалось в память, копилось одно к одному. Вот хоть такое...

Богато одетый большеглазый и темнокожий человек возлежит на роскошном диване. Возле него столик с яствами. А возле столика сидит босиком на полу скромно одетый белокожий и рыжий воин – в кольчуге, но без оружия. Они вполне мирно беседуют. А потом этот же рыжий, но уже с мечом, ведёт необозримое темнокожее войско на крепость, которую защищают белокожие и рыжеватые воины. Такие же, как предводитель темнокожего войска. И крепость падает, и захватчики терзают её, жгут, грабят, насилюют...

– Это один из героев нашей истории, – объясняет Нур-Нур. – Он предаёт города своего народа чужеземным захватчикам. Он отлично знает, где слабое место наших крепостей. А детям в школе рассказывают, что он всеми силами собирал единое государство из раздробленных владений и готовил будущее свержение сегодняшнего чужеземного владычества. Однако при жизни своей он практически укреплял его... Или вот ещё один подобный властитель...

Воины волокут красивую юную девушку, пинают ногами её старого седого отца, вталкивают её в повозку, привозят в роскошный дворец, ведут в спальню покои властителя. А потом под окнами этих же покоев, на глазах толпы, отрубает отцу девушки руки, ноги, голову. Полуодетый властитель спокойно смотрит на казнь из высокого окна богатого терема. Девушка бьётся в истерике на растерзанной постели.

– Это всего лишь один из бесчисленных эпизодов той страшной эпохи, – слышу я голос Нур-Нура. – Отцов и мужей красивых женщин травили ядом, отдавали на растерзание диким зверям, замуровывали живьём в крепостные стены. Невозможно показать все те ужасы, кото-

рые тогда подряд творились в столице моей страны. Позже погибали и сами красавицы, вырванные из своих семей. Яд был для них наиболее лёгким способом ухода из жизни. Их место во дворце занимали другие. Правителю позарез надо было собрать у себя всех известных красавиц... А в наших школах всё это выдавалось за борьбу с крамолой вассалов, которые якобы хотели разорвать страну на части.

Впрочем, изредка вассалы не выдерживали и поднимались против тирании. Целыми городами. Расправа была в таких случаях столь жестокой, что я не решаюсь показать тебе картины изуверских казней своих же граждан. Эти казни невозможно смотреть. Покажу лишь то, как расправлялся этот наш правитель с жёнами и детьми бунтовщиков. Расправлялся с женщинами и малолетками, которые сидели по домам и ни в каких восстаниях не участвовали.

...Я вижу, как воины с мечами и кинжалами на обрывистом берегу реки срывают с женщин одежды, связывают им назад руки с ногами, привязывают к талии младенцев и в таком виде, изогнутых колесом, сбрасывают с обрыва в воду. А по реке кружатся лодки, и другие воины баграми бьют по головам и топят тех, кому удалось выплыть.

Представляю, какой дикий нечеловеческий визг стоял тогда над рекой. Воспроизвести его Нур-Нуру, видимо, не удалось.

Ничего более жуткого, чем эта сцена, видеть мне в жизни не доводилось.

– Этого тирана, – слышу я голос Нур-Нура, – историки прозвали «Жестокий». И в школе нам внушали, что жестоким он был только с врагами нашего великого и прекрасного государства... А вот ещё один наш тиран...

Десять новеньких виселиц стоят в ряд на каменном возвышении. Десять молодых мужчин интеллигентного вида стоят возле виселиц. И примерно полсотни одинаково одетых воинов с кинжалами окружают это возвышение на земле. Толпы вокруг нет. Поодаль виднеются крепостные стены. Что-то вроде плаца внутри крепости. Последние минуты перед казнью. Кто-то громко читает какой-то текст. Потом другой голос заунывно тянет молитву. И вот уже приговорённые болтаются на перекладинах. Вдоль ряда виселиц медленно проходит высокий лысый человек с тяжёлым взглядом, в прямоугольном мундире, наглухо застёгнутом на все пуговицы.

– Этот наш государь, – комментирует голос Нур-Нура, – тоже боролся с крамолой – вешал цвет нации или десятилетиями мурыжил его на каторге, в рудниках. Казнили и отправляли на каторгу тех, кто хотел сделать власть выборной, а не наследственной, кто хотел ввести справедливые законы и поставить их выше человека. На виселицах – наши первые республиканцы. Век спустя они стали гордостью нации. Но, увы, ненадолго. И нам, малолеткам, снова представляли властителя-палача как борца за ясность и чистоту народного духа, как просветителя и успокоителя державы. Историческая наука наша всегда была, к сожалению, угодливой служанкой власти, сегодняшней политикой, обращённой в прошлое. И это шло веками. За всю долгую жизнь нашей страны её историю переписывали не раз – по указанию каждого нового правителя, который этим интересовался и хоть что-то в этом понимал. Впрочем, были и такие, которые не понимали в истории ничего и не способны были извлечь из неё для себя никаких уроков. Судьба не дала нам ни одного чистого от крови, по-настоящему дальновидного, справедливого и при этом ещё просвещённого руководителя. Ни один не обладал всеми этими качествами сразу! Не зря же один наш поэт ещё за век до моего рождения написал: «Для жизни быстротечной // Судьбою нам дана // Извечно и навечно // Несчастливая страна». Как при этом выжил мой народ, я и сам не пойму. Но всё-таки он построил города, связал их дорогами, создал кошмарное оружие, способное уничтожить всю планету, и даже вышел в космос. Только зачем?... Поначалу мы и сами этого не знали...

Я вижу старты космических кораблей. Сперва – такие же, как у нас, на Земле – стремительные, на ревущих огненных колоннах. Потом – бесшумные, плавные, на колеблющемся прозрачном мареве неведомых излучений. Они как бы пружинисто отталкивали корабль от планеты. Подчиняясь им, он медленно и строго вертикально уходил вверх и лишь на большой

высоте включал двигатели. Это отталкивание, по-моему, исходило не из корабля, а от космодрома. Похоже, действовала антигравитация. И, значит, на родной планете Нур-Нура нашли более экономичный, чем на Земле, способ выведения на орбиту космических аппаратов. У нас антигравитация применялась лишь для небольших строительных эпизодов, сжигала уйму энергии и на космос почти не работала.

– Для нашей страны, – объясняет Нур-Нур, – космос долго был проблемой престижа. Утирали нос государству-сопернику, которое было не слабее нас, но жило получше. Потому что с самого его создания умные законодатели поставили там закон выше человека. И ни один правитель своею личной волей изменить там законы не мог: тотчас становился преступником. У нас же получивший власть сразу подминал под себя и законы, перечёркивал прежние, принимал новые – преступлением это не считалось. Потому и должного уважения к законам у народа не было. А значит, не могло быть и благополучия, которым славилась страна-соперник. Её народ быстро укоротил захватнические стремления своих правителей, остановил рост территории, все силы направил на создание удобной жизни. Моя же страна, отбив атаки внешних врагов, непременно присоединяла к себе великой кровью какие-то окрестности, подчиняла соседние народы. А спустя полвека или век тихо и виновато уходила с их земель. И чаще всего добром там нас уже не вспоминали. Хоть там и оставались построенные нами города, заводы, дороги. Всё это становилось не нашим. Страна как бы пульсировала, то разбухая за счёт соседей, то сокращаясь из-за внутренних распрей. И за этими её пульсациями, обычно кровавыми, с ужасом следила вся планета. Соседям моей страны никто не завидовал. Несмотря на то, что мой народ делал для них очень много доброго. Но добро это не ценили...

Возможно, развитие твоей планеты тоже пройдёт через долгую эпоху жизни отдельных государств. До единого всепланетного государства у нас пока не дошло. Не скоро дойдёт и у вас. Может, пригодятся вам наши печальные уроки?

...Шестой мой – искусственный! – палец начинает набухать болью. Точнее, не он сам, а соединение его искусственных нервов с моими живыми. Неохотно разжимаю я кулак, опускаю на столик инопланетную коэму, рассчитанную на шесть пальцев. Теперь резким движением можно откинуть зажим искусственного пальца, снять мыслеприёмник, залепить прокол на ребре ладони стрептомиоловым пластырем и подождать, пока заживёт. А потом снова – прокалывать кожу, прилаживать искусственный палец, натягивать мыслеприёмник на голову и смотреть да слушать воспоминания Нур-Нура. Может, и доберусь когда-нибудь до их конца. Пять коэм передо мною! На сколько рассчитана каждая – понятия не имею. Пока что меня хватило на десять минут.

Путь к чтению был извилистым. И начался он совместной охотой трёх племён на стадо ломов, которую затеял Фор, отец Тили, новый вождь племени ту-пу. Два стада ломов спустились с севера в леса племени, и Фор пришёл к купам с предложением охотиться вместе. А купы, понятно, позвали айкупов. Последнюю точку в охоте довелось поставить мне – уложил выстрелом в глаз крупного самца, загнанного в ловушку. Тор говорил, что ловушку вырыли очень давно и рыли очень долго – купы вместе с ту-пу. Ещё при прежнем вожде «пещерных крыс»... Именно в ловушке ломы всегда становились чрезвычайно опасными. Понимали, что выхода нет, что смерть близка. Ни одна такая охота не обходилась прежде без жертв. Добить копьями громадного толстокожего мохнатого зверя куда трудней, чем загнать его в глубокую яму с кольями на дне. Но моему крупнокалиберному карабину хватило одного выстрела. Никто не погиб. Никто даже не был ранен.

Собственно, лома можно было подстрелить и раньше, хоть в полёте на ранце. Но ведь тогда племена не получили бы удовольствия от охоты...

В горячке дня и познакомился я с Ларом, молодым вождём айкупов, и заговорил с ним безо всяких мыслеприёмников. Не до них было! И оказалось, что мы прилично понимаем друг друга. А чего не понимаем – договариваем жестами. Пришла, наконец, долгожданная пора!

Лар пригласил в своё племя. Дальше откладывать визит было невозможно. Полетели мы туда на вертолёте вместе с Лу-у, привезли два контейнера подарков – всем возрастам и на любые вкусы. Может, когда-нибудь айкупы будут вспоминать этот визит так же, как купы до сих пор вспоминают визит Ната Ренцела и Неи Нгуен. Мы постарались для всех быть хорошими...

Весь второй день этой поездки провёл я с колдуном племени. Звали его Чат, лет ему было много – он сам не знал, сколько! – но двигался он легко и сам предложил отвести меня к могиле Нур-Нура. А по пути наставлял – как старший колдун младшего:

– Если хочешь, чтобы люди тебя слушались – сначала приучи их просто тебя слушать. Рассказывай что-нибудь полезное. Потом начнут слушаться. И гляди в их глаза. Темноглазые слушаются раньше. Светлоглазые – позже. Могут и совсем не послушаться. Но в опасности светлоглазые не побегут от тебя в разные стороны, а прикроют и защитят.

Чат был сероглазым и совершенно седым. Как я... Может, поэтому мы с ним сразу почувствовали взаимное доверие?

Могилы Нур-Нура оказалась всего в трёх с половиною километрах южнее селения айкупов. На тяжёлой неотёсанной глыбе красноватого гранита была выровнена – видимо, чем-то вроде пескоструйки! – небольшая площадочка, и по ней шли выбитые буквы, какие-то до удивления простые и с детства знакомые.

Не нужно было долго чесать затылок, чтобы вспомнить: почти такие же знаки видел я на корректурах отцовских книг. Отец всегда требовал корректуры и неторопливо читал их – вылавливал ошибки. Особенно боялся он ошибок в цифрах и формулах. Ибо одна такая ошибочка порой меняла суть дела – состав пластмассы. Это всё-таки химия!

Такими же угловатыми значками ошибка помечалась в тексте, выносилась на широкие поля, и рядом ставилась правильная цифра, буква, формула.

Но в корректурах значки не имели смысла, не обозначали звук, не были ни буквами, ни иероглифами. Они оставались всего лишь обозначением места ошибки и с лёгкостью заменяли друг друга. Отец называл их корректурными знаками.

Здесь же, на гранитной глыбе, они явно были буквами. Может, даже словами.

Я сфотографировал эту надпись, передал в Город по факсу и через неделю получил расшифровку: «Когда вы сможете прочесть это – сдвиньте камень».

Оказалось, что буквы на гранитной глыбе очень близки к знакам самого простого на Земле алфавита, о существовании которого я и не подозревал. Ещё в средние века корейский учёный Со Чжон предложил его для замены сложных и трудных иероглифов китайского типа. Но даже несмотря на то, что Со Чжон был придворным, алфавит не сразу прижился. Хотя простота и доступность его была удивительна!

Большого лингвисты сказать не могли. В досье звездолётов корейская история начиналась лишь с середины двадцатого века, с восстановления независимости после японского владычества. И среди астронавтов всех трёх кораблей не отыскалось ни одного корейца. Спросить было не у кого. Как уж так на Земле прошляпили?..

Поэтому я мог только гадать: откуда взялась такая невероятная близость алфавитов из разных планетных систем? Был Со Чжон чужим астронавтом или их потомком? Посещали или нет средневековую Корею «летающие тарелки»? Наконец, как проник средневековый алфавит Со Чжона с Дальнего Востока в книгопечатание европейского Запада и обернулся там корректурными знаками?

Ответов на эти вопросы не было. Но одно стало мне ясно: «коренному» наследнику местных императоров, с детства грамотному, не было острой нужды вводить простенький буквенный алфавит вместо сложных смысловых иероглифов. Это было сделано ради женщины-императора и сработало на всеобщую народную грамотность. Но откуда появился такой учёный в средние века в глухом азиатском углу? Не космонавтом ли он был?

Так на далёкой планете вырисовывается вдруг любопытнейшая загадка земной истории. И нет шансов разгадать её. Может, на следующих кораблях прилетит кто-нибудь из Кореи?

...Могильную глыбу сдвигали мы вместе с Бруно и Натом О'Лири – на всякий случай в скафандрах. Сдвигали переносными квантовыми антигравитаторами, которые сжигали много энергии. Два контейнера с почти опустошёнными батареями оставили мы возле этой могилы. Под глыбой оказался небольшой склеп, выложенный мелкими необработанными щитами песчаника. Каждая весила примерно столько, сколько три-четыре стандартных кирпича. Подмытый обрыв из точно такого же мелкого песчаника нашёл я позже над ближним ручьём.

В нише склепа лежали рядом пять чёрных коробочек из пластмассы, отчётливо прошитой блестящими металлическими нитями. И рядом пластинка из такой же пластмассы, с процарапанными на ней теми же простенькими буквами, что и на глыбе. Лингвисты прочитали её в тот же день, что и получили по факсу: «Не ищите нас – не найдёте. Нур-Нур»

Дальше вход был замурован глиной. Мы вскрыли его и обнаружили полусгнивший гроб из толстого горбыля, грубо срубленный «в лапу», без гвоздей, и стянутый лианами. Всё это мы обернули плёнкой, плотно запечатали края и погрузили в вертолёт, который пришёл с Материка. Потом обезвредили ультрафиолетом скафандры, я сбросил свой и прыгнул в вертолёт. Мой скафандр Бруно и Нат запечатали точно так же, как и гроб Нур-Нура, и тоже увезли на Материк, И сами улетели в скафандрах.

А через сутки мы узнали, что предосторожности были излишними. Микробиологи не нашли ни на скафандрах, ни в гробу никаких неизвестных дотолемикробов. Видно, слишком долго жил Нур-Нур на этой планете. Если и были на нём неведомые микробы, то отсеялись задолго до смерти.

Заодно Бруно сообщил:

– Похоже, Нур-Нур оставил что-то вроде твоих коэм. Тут уж по твоей части. Прилетай – разберёшься.

– Привезу Лу-у, – сообщил я. – По-моему, пора учить её на птичницу. Психологическая подготовка проведена.

– У Совета нет возражений! – Бруно хмыкнул. – Хоть на кого учи!

Я вызвал маму, объяснил ситуацию и спросил, где нам лучше остановиться, чтобы никого не стеснить и не обидеть. Всё-таки Лу-у – гостя не совсем обычная. Элементарным вещам её надо учить... Есть небольшая гостиница для жителей Нефти... Да и на корабле моя каюта – всегда моя.

– Мы с Мишей обидимся, – ответила мама, – если вы остановитесь не у нас. Мало ты нас обижал? Ещё хочешь?

И вот мы летим с Лу-у над морем, которое она видит впервые, и я объясняю ей, что такое море, и делюсь давними своими наивными мечтами: сделать купов морским народом.

Лу-у слушает напряжённо, но, кажется мне, не очень внимательно. Она боится – и большой высоты, и необычной скорости, какой не ощущала в вертолёте прежде, и бесконечной зеленоватой воды внизу, и предстоящей встречи с неведомой жизнью сынов неба.

Всё, что было в её силах, Лу-у сделала: помылась в реке с мылом, надела голубоватое бельё и шёлковый сарафан, подаренные Неяку, надела спортивные тапочки, в которых почти хромала, накинула на плечи расстёгнутую мою тёплую рубашку. На большой высоте прохладненько, если лететь долго. Да и в Городе будет не жарко...

Перед посадкой в вертолёт я гладко причесал жёсткие волосы жены и стянул на затылке лентой. Вероятно, в Городе ей сделают другую причёску. А я в таком деле на большее не способен... И ещё надел я на шею Лу-у нитку строгих чёрных бус. И шея стала от этого чуть-чуть светлей.

Но, может, Лу-у кажется, что сделано не все необходимое? Может, это и отвлекает её мысли от моей болтовни?

Когда мы прошли Заводской район, я вызвал маму, как она просила. И на крыше Города она нас встретила.

– Какая Лу-у красивая! – сказала мама и обняла её.

Лу-у была в мыслеприёмнике, всё поняла и ответила достойно:

– Я не знала, что ты такая молодая.

Мы дали Лу-у возможность оглядеть с высоты окрестности, обняли её с двух сторон и повели к лифту. А в лифте она испугалась и громко спросила:

– Мы падаем?

Пришлось снова обнять её. Она успокоилась.

...Коэмы Нур-Нура были рассчитаны на шесть пальцев. И сам Нур-Нур оказался шести-палый – по шести пальцев на руках и ногах. Причём, на руке шестой палец рос оттуда, где у нас ребро ладони. В таких руках любое орудие должно было держаться, как говорят, мёртвой хваткой. Не вышибешь из таких рук ни нож, ни топор. Но как прочитывать рассчитанную на такую руку коэму, я сообразил не сразу.

Поразило меня уже то, что принцип записи образных биотоков, который придумал я на Земле, оказался универсальным, и был открыт также на неведомой планете Нур-Нура. А в том, что для Риты он инопланетянин, теперь сомнений не возникало.

Коэмы были пронумерованы палочками – от первой до пятой. Но пока этим и ограничивался доступ к их содержанию. Читать их с пятью пальцами оказалось невозможно: всё путалось, любая понятная информация погружалась в хаос.

Я вызвал киберлабораторию, которую когда-то создавал в Заводском районе, и спросил:

– Ребята! Можете вы сочинить мне чувствующий шестой палец? На ребро ладони. Для чтения инопланетных коэм.

– Можем, – ответил Грицько Доленко. – Но тебе будет больно. Он ведь должен выйти на нервы. И этим ребром ты долго не сможешь обо что-то ударить.

– Плевать! – согласился я и махнул рукой. Вполне по-русски. Мы с Грицем всё время сбивались на русский, который он знал не хуже украинского. – Плевать! Пусть будет больно. Лишь бы прочитывать!

Лу-у сидела сбоку от меня, слушала разговор внимательно и неожиданно повторила:

– Плевать!.. Теперь я поняла.

И махнула рукой.

Видно, вспомнила давнюю мою телебеседу с Аней Бахрам. Тогда я никак не мог объяснить значение слова «плевать». Никакие синонимы до Лу-у не доходили.

А тут вот вдруг... Прорезалось!

В этот день мы улетели на ферму. И, пока Лу-у знакомилась с работой птичницы, а я, по старой памяти, ремонтировал киберустройства, в лаборатории сделали мне съёмный чувствующий шестой палец. С первой же пробы он погнал в мой мозг вполне связный зрительный ряд и вполне отчётливый текст на чужом – плавном и певучем! – языке. Правда, больше чем на десять минут меня не хватало. Набухала боль в ладони, и приходилось останавливаться. Минимум на сутки.

На следующий день я решил попробовать сочетание коэмы с мыслеприёмником. Принцип тут и там один – расшифровка биотоков. Только в коэме – со зрительным рядом и без перевода. А в мыслеприёмнике – с переводом, но без зрительного ряда.

Сочетание себя оправдало. Благодаря мыслеприёмнику, чужой язык коэмы как бы ушёл в глуховатую тень, стал еле слышен. Коэма заговорила на «глобе» отчётливым, чуть хрипловатым голосом Нур-Нура, никогда этого языка не знавшего.

Так началась расшифровка.

2. Знакомство сидя на полу

...– И всё же это была моя родина, – продолжает Нур-Нур. – И я любил её, как любят свою мать – пусть непутёвую, не шибко умную, несчастную от нехватки ума. Родину, как и мать, не выбирают.

Страна-соперница была умнее моей. Я видел её дважды. А сейчас посмотри и ты...

И вновь прозрачный шар бесшумно плывёт над городами, дорогами, лесами и озёрами. Города здесь росли не из крепостей, а из рынков. Рынки превратились со временем в просторные супермаркеты и громадные склады при них. И это стало центром большинства городов.

В этих городах больше небоскрёбов, они выше и светлей, чем в тех, что видел я вчера. Дороги здесь шире, ровнее и чище, обычно – многолентные, берега озёр почти сплошь застроены утопающими в зелени особняками, окантованы живописными набережными и чётко спланированными парками. Небольшие посёлочки сияют яркими свежими красками, а не дышат пыльным серым запустением. Берега морей застроены так же плотно, как и берега озёр. А вчера я видел очень редкую застройку морских берегов. Большинство их было пустынно... Чистая умытая свежепокрашенная страна плывёт под моими ногами – более богатая и благополучная, чем родина Нур-Нура.

– Ты, наверное, подумал о богатстве? – слышу я чуть хриловатый басовитый голос Нур-Нура. – Ты прав. Она неизмеримо богаче моей. Прежде всего потому, что умеет лучше работать. И не проматывать заработанное. И ещё потому, что всё украденное у нас целый век тащили сюда. Как, впрочем, и из других стран... Тут с наворованным спокойнее. Оно тут целее... И сотни тысяч лучших наших работников тоже бежали сюда всего за один век. А отсюда к нам бежали лишь единицы неудачников. Этим, по сути, всё и сказано. Где хорошо – оттуда тысячами не бегут.

...Длинный худой рыжеватый парень, чуть прищурившись, смотрит на меня. Он в спортивном костюме и стоит в ряду таких же худощавых юношей. Вот они срываются со старта и бегут по эллипсу, прыгают через препятствия, переплывают реку, на верёвках спускаются с отвесных скал, занимаются боксом. Обычная спортивная тренировка. Почти как у нас в «Малахите».

– Когда я пошёл в звездолётчики, – рассказывает Нур-Нур, – страна моя начинала рассыпаться. Отваливались дальние окраины, уходили из них войска, и новые правители крохотных окраинных государств смешно, как нам казалось, потрясали маленькими кулачками. Мы ещё не знали тогда, что за спинами новых правителей новых государств вырастет вскоре вся мощь страны-соперницы, что она станет, как говорится, гарантом их свободы. Свободы от нас...

Мы радостно шли в космос, создавали базы на соседних мёртвых планетах, посылали автоматические зонды к ближним звёздам, обнаружили радиомаяк другой цивилизации. И нам казалось, что наша сфера влияния растёт безгранично. А тем временем страна разрушалась изнутри, останавливались заводы, люди беднели, зверели, угрожающе сокращалась продолжительность жизни, и озлобленность стала просачиваться даже в ряды звездолётчиков. О чём раньше и подумать никто не мог.

Не сразу мы поняли, что традиционная умственная ограниченность давних наших правителей сменилась явным предательством правителей современных. Они всё более откровенно уничтожали собственный народ и собственную страну, превращая её из страны-соперницы в страну-вассала. Это происходило настолько бессмысленно, чудовищно и вроде бы бесцельно, что никак не укладывалось в голове. Но – происходило!

...Снова плывёт прозрачный шар над родиной Нур-Нура, но уже пониже, помедленней и останавливается над затихшими цехами с выбитыми стёклами, над фермами для скота, с кото-

рых содраны крыши, над опустевшими посёлками и залитыми водой рудничными карьерами, в которые спиралью уходят шоссе и заржавевшие рельсы.

Только зелень буйно торжествует в обезлюдивших местах: зарастают дороги и некогда возделанные поля, кроны деревьев прикрывают разгромленные цехи и фермы, кустарники обживают спортивные площадки и стадионы. Чуть приподнимется шар – и торжествующая зелень скрывает следы разрухи. Чуть опустится – они снова видны.

– Как неизлечимая болезнь, расплзлась разруха по телу страны. – Хрипловатый бас Нур-Нура почти шепчет. – Ну, кому это может быть выгодно? – спрашивал я себя. – Кому?.. Ответ был однозначен, вариантов не возникало. И страну-соперницу я закрыл для своей души. Вначале перестал ею восхищаться, потом начал тихо ненавидеть. Да, целый ряд её правителей оказался дальновиднее ряда наших. Да, её сдержанная сила пересилила нашу разухабистую, презрительно не вступая с нею в открытый бой. Да, её звездолётчики быстро воспользовались нашими открытиями и нашими космическими базами, чтобы проникнуть в космос дальше нас... Звездолётчиков за это я уважал. Их бесстрашию и мастерству можно было поучиться. Но страну их не любил всё сильнее. Учиться у неё уже не хотелось. Никогда не считал я возможным строить собственное благополучие на чужом несчастье. Да и не обязан я любить чужую страну! Правители её заботятся вовсе не обо мне, и не о таких, как я. Но, к сожалению, и мои правители обо мне тоже не заботятся...

Прощальный взгляд бросает автор коэмы на страну-соперницу. Умытые пейзажи удаляются холодно и равнодушно. Их не жаль. Они затягиваются облаками, исчезают, и я понимаю, что больше их не увижу.

– Зачем я рассказываю всё это? – вдруг спрашивает Нур-Нур. – Затем, чтобы ты понял то, что произойдёт дальше. И особенно – на твоей планете.

Коэма вдруг переносит меня в космос. Автоматический зонд спокойно плывёт вокруг жёлтой звезды и неожиданно попадает в стремительно поднявшийся из её недр гигантский огненный протуберанец. Как будто огненный язык фантастического дракона слизнул букашку.

Нур-Нур, разумеется, не мог своими глазами увидеть такого. Лишь другой автоматический зонд, гуляющий на орбите подальше, мог записать на плёнку эту ужасную катастрофу. А Нур-Нур мог только запомнить этот фильм.

– К тому времени, – продолжает звездолётчик, – подоспело угрожающее астрономическое открытие. Серия не предсказанных чудовищных взрывов на нашей звезде обнаружила, что горение водорода в её недрах пошло ускоренно, катастрофично, что срок её оставшейся жизни рассчитан неправильно, что водород в ней такими темпами выгорит намного раньше, чем предполагали астрофизики. А после этого начнёт гореть гелий. Ошибочка выходила почти в два миллиарда лет. И, значит, куда раньше, чем предполагалось, жёлтая наша звезда вспухнет красным гигантом и поглотит ближние планеты. В том числе – нашу. Короче, нам пора было присматривать новый дом для всего населения. И вместо автоматических зондов на поиски приемлемых планет возле более молодых жёлтых звёзд отчаянно рванулись люди. С третьей экспедицией ушёл и я. Мы исследовали здешнюю звезду, которую командир корабля без колебаний душевных назвал своим именем – Капи, – и твою прекрасную планету, которую назвали именем жены командира – Кара. Понятно, ты называешь свою планету и свою звезду иначе. Но на картах тех, кто может прилететь сюда после меня, будут, вероятно, стоять такие имена. Если, конечно, наша третья экспедиция вернётся домой... Судьба её мне неизвестна. А звезда твоя оказалась намного моложе моей. И поэтому прилететь сюда могут. Если не найдут ничего лучшего.

...Шестой палец ныл уже нестерпимо, и я радостно содрал его с ребра ладони, опустив на стол коэму, а за нею – мыслеприёмник. Теперь было ясно, почему Нур-Нур мог остаться на этой планете. Он потерял родину в душе своей. Он уже не верил в её светлые перспективы. И не мог обратиться к стране-сопернице. Она тоже не вызывала у него добрых чувств. В таких

обстоятельствах достаточно любого толчка извне. Может, им стала та необъяснимая для нас атомная бомбардировка, которая уничтожила почти всё племя ра?

Что ж, посмотрим и послушаем дальше, узнаем. Похоже, Нур-Нур вполне откровенен и нигде не темнит. Да и зачем ему?.. В предсмертной-то исповеди... А пока становится совершенно очевидно, что главная проблема Земли – это не только проблема Земли. В разных районах Галактики стареют жёлтые звёзды второго поколения, родившиеся одновременно или почти одновременно с нашим Солнцем. И вызревшие возле них технологические цивилизации начинают искать новое пристанище. Раньше на миллиард лет, позже на миллиард лет, но они выходят в космос на поиски таких планет, как Рита. И с этими цивилизациями нам придётся общаться.

Однако это потом. А сейчас, как говорит в подобных случаях Розита, мне надлежит позаботиться о загрузке в вертолёт маленькой сборной птицефермы. Пока – без инкубатора, на естественном высиживании цыплят. Потом повезу их с Центрального материка готовенькими. Ибо электроэнергию для инкубатора на Западном материке брать пока неоткуда. А вот недостатка в птичниках, похоже, не будет. Женщины племени купов загружены не чрезмерно. И, надеюсь, Лу-у сумеет организовать их и обучить. Теперь она самый крупный птицевод на Западном материке. Таких знаний, как у неё, там больше нет ни у кого!

Пока училась Лу-у на птицеферме, кто-то сказал ей, что видел по телевидению беседу её отца с нашим Тушиным. И что отец её всем очень понравился: солидный, спокойный, рассудительный... Конечно, Лу-у это было приятно услышать. Но саму беседу она не видела. Хотя, разумеется, знала про неё: Тор рассказывал... И вчера за ужином Лу-у громко пожалела, что никогда не увидит эту беседу.

– Почему «никогда»? – простодушно удивилась мама. – Есть запись. Прогоним...

И вот сегодня прогнал я на «видике» для Лу-у эту давнюю запись.

С появлением Тушина на телеэкране Лу-у словно окаменела. Зрачки её расширились, рот полуоткрылся, ладони застыли на коленях. Не шелохнувшись, просидела она до конца записи, и на лбу у неё выступили капли пота. А когда экран погас, как-то заторможенно Лу-у спросила:

– Значит, ты сын вождя?

Сопоставила Миха на экране и Мишу дома...

Я стал объяснять ей, что родной мой отец погиб очень давно и очень далеко отсюда. А Мих – просто хороший человек и второй муж моей мамы. Есть у нас такое слово – «отчим»...

– Плевать! – вдруг решительно заявила Лу-у и махнула рукой. – Плевать! – повторила она уверенным тоном, – Ты сын вождя. А я дочь вождя.

Она вскочила с кресла, закружилась по комнате в каком-то невероятном немислимом танце и всё повторяла:

– Плевать! Ты сын вожди, я дочь вождя! Плевать! Ты сын вождя...

Тихо вошла в квартиру мама, за нею – Розита, и обе молча остановились в дверях. Не замечая их, Лу-у всё кружилась и повторяла:

– Плевать! Ты сын вождя, я дочь вождя! Плевать!

– Она прелесть! – тихо произнесла Розита. – Возможно, Сандро, ты недооцениваешь то сокровище, которое случайно попало тебе в руки.

Слово «случайно» Розита подчеркнула.

Лу-у остановилась, подняла глаза, увидела Розиту, и лицо её резко изменилось. Опять расширились зрачки от немого изумления, полуоткрылся рот. Она узнала ту женщину, которую дважды видела в селении на телеэкране. Женщину, которая плясала и пела и песня которой вызвала тогда у Лу-у слёзы и запомнилась навсегда. Та женщина, наверное, казалась ей богиней или почти богиней. И, как перед богиней, Лу-у опустила на колени перед Розитой и глядела на неё снизу вверх так же молитвенно, как на незатейливое украшенное ленточками и звериными хвостами деревянное божество в лесу возле селения купов.

Розита всё поняла. Она всё и всегда понимала мгновенно и точно. Она присела на корточки, погладила Лу-у по волосам, поцеловала в лоб и, ткнув себя пальцем в грудь, назвала своё имя. Лу-у тоже ткнула себя пальцем в грудь и назвала своё имя. Так, сидя на полу, они и познакомились.

3. По пути к космическому «Феномену»

– Теперь придётся кое-что объяснить тебе, – продолжает Нур-Нур. – Я не представляю уровень твоих астрономических знаний. Но, если ты смог прочесть мою запись до этих слов, ты должен хотя бы минимально знать, что такое звёзды, планеты, планетные системы и созвездия на небе. Общий уровень астрономических знаний обычно опережает понимание такой тонкой техники, какая сейчас у тебя в руках. Поэтому объяснять элементарные астрономические понятия я не стану. Начну сразу с того, что имеет значение для нашего разговора – со звёздных скоплений. Просто покажу тебе их. Вот сейчас перед твоими глазами сияет шаровое скопление звёзд. Оно примерно имеет вид шара, и звёзд в нём может быть до миллиона. Вместе они удерживаются взаимным тяготением. Шаровые скопления – самые старые группы звёзд в нашей громадной звёздной системе. Их мало – нам известны полторы сотни. А общее их количество, вероятно, около пятисот. Остальные скрыты облаками газа и заслонены ярким центром всей звёздной системы. Поэтому точное число шаровых скоплений неизвестно.

А сейчас ты видишь рассеянное звёздное скопление. Оно обычно не имеет определённой формы. Это как бы размытое звёздное облако. В нём может находиться от сотни до десяти тысяч звёзд. Эти скопления в десять-пятнадцать раз моложе шаровых, и их в сотни раз больше. Специалисты считают – до двадцати тысяч на всю нашу звёздную систему. Хотя пока нашли и обозначили раз в десять меньше. Остальные рассеянные скопления также скрыты облаками газа и заслонены центром звёздной системы.

Типичный возраст шарового скопления – около десяти миллиардов лет. Средний возраст рассеянного скопления – один миллиард лет. Понятно, среди них есть более молодые и более старые.

Наши астрономы, а за ними и писатели-фантасты долго считали, что самые древние, самые развитые цивилизации надо искать в самых древних звёздных образованиях – в шаровых скоплениях. Особенно надеялись на центры, которые трудно изучать. Потому что изображения дрожат в плотной планетной атмосфере. Пытались ловить оттуда радиосигналы. Даже посылали в шаровые скопления автоматические зонды. Ни один из них, понятно, не вернулся и никаких сигналов нам не передал.

Развитие спектрального анализа поначалу уверило нас, что надежды были пустыми. Весь этот переливающийся огнями шар, который ты сейчас видишь, всё гигантское шаровое скопление звёзд состоит чаще всего лишь из двух самых лёгких элементов – водорода и гелия. Из них состояла первичная Вселенная, они и сгустились в первые звёзды, которые собрались в шаровые скопления. Никакая жизнь в подобной среде невозможна. Для жизни требуются сотни различных элементов. Все они тяжелее водорода и гелия и создаются в ядерных топках первого поколения звёзд. Отжив свой срок, эти первые звёзды взрываются и разбрасывают тяжёлые элементы по Вселенной облаками газа. Облака постепенно сгущаются и образуют новые звёзды, уже с тяжёлыми элементами. Их называют звёздами второго поколения. И возле них, на планетах, жизнь уже возможна. Такова наша звезда Зера. И такова ваша, которую мы назвали Капи. Но в шаровых скоплениях первые спектральные анализы таких звёзд не обнаружили.

Однако когда нам удалось вывести телескопы за пределы атмосферы, на околопланетные орбиты, такие звёзды в шаровых скоплениях отыскивались. Хотя и немного, и не в центре, а на окраинах.

Ещё позже наши дальние зонды засекли мощный радиомаяк, который утверждал, что его «хозяин» находится как раз в шаровом скоплении. Он называл его «рой звёзд». Это был единственный конкретный адрес другой развитой цивилизации, который удалось получить всей нашей космонавтике.

Шаровыми скоплениями после этого занялись особенно тщательно, исследовали каждое. И выяснился очень большой разброс их по возрасту. А это означало, что в самых молодых шаровых скоплениях тоже может зародиться жизнь – возле пусть и немногих звёзд второго поколения. Так что тот радиомаяк вполне мог сказать правду. Да и зачем ему неправду говорить?

Мы проверили вокруг всё, что было нам под силу. Самым перспективным оказалось звёздное скопление, которое ты сейчас видишь. По форме – не рассеянное и не шаровое. Этаким размытым эллипсом. С нашей точки зрения. Хотя с другой точки его можно увидеть и как шаровое. Оно моложе всех известных шаровых и старше всех известных рассеянных. Его спектральный анализ показывал наличие звёзд обоих поколений. Этакое переходное скопление примерно из двух с лишним тысяч звёзд. Единственный свидетель той эпохи, когда, по мнению астрофизиков, звёзды вообще не образовывались в нашей системе. Перерыв этот длился от пяти до девяти миллиардов лет. Предшествовали ему массовые взрывы звёзд первого поколения, быстро отживших свой век. Они рассеяли повсюду такие громадные и плотные облака газа, что сквозь них не мог пробиться звёздный ветер оставшихся светил. А без его напора звёздообразование не идёт.

Однако пролетели миллиарды лет, гигантские облака газа уплотнились, сгустились, возникли внутри них звёздные «коконы», очистилось пространство для звёздного ветра, и звёздообразование возобновилось. И теперь ясно, что второй такой же перерыв в будущем почти гарантирован. Примерно через пять-шесть миллиардов лет, когда начнут в массовом порядке одна за другой умирать звёзды второго поколения.

Необычное скопление звёзд назвали у нас «Феноменом». Хотя остальные названий не имеют, только номера.

Постепенно выяснилось, что перерывы в звёздообразовании вовсе не всеобщий закон для Вселенной. У нашей гигантской звёздной системы («Галактики»! – переводит мыслеприёмник) есть два небольших соседа, Большой и Малый...

– Магеллановы облака, – уточняет мыслеприёмник.

– ...И у этих растрёпанных соседей, – продолжает Нур-Нур, – перерывов в звёздообразовании не было. Там легко можно отыскать и старые и молодые шаровые скопления. Мы называем их «красные» – старые – и «голубые» – молодые. По цвету преобладающих в них звёзд. И «голубые» шаровые скопления состоят там из таких же молодых звёзд, какие у нас характерны для рассеянных скоплений.

Понятно, к «Феномену» послали автоматические зонды. Пока они не вернулись и сигналов не подали. Но ещё рано. Именно к этому «Феномену» и снаряжалась наша срочная экспедиция. Наша звезда Зера торопила нас... Мы надеялись, что среди жёлтых звёзд «Феномена» отыщутся несколько спокойных и долговечных светил с удобными планетными системами. Много ли нам надо? Даже одной подходящей планете были бы рады. Но в такой густой куче, может, найдутся и две подходящие? И тогда мы могли бы разойтись со страной-соперницей на разные планеты. Каждая страна – со своими союзниками... Летали бы друг к другу в гости... Делить было бы нечего...

Уже почти перед самым нашим вылетом космическая астрономия обнаружила планетную систему возле твоей звезды Капи. Размеры ближних планет нас очень заинтересовали. Система лежала чуть в стороне от нашего курса. Смотри сам! Звёздная карта перед твоими глазами. Вот «Феномен». Вот твоя спокойная Капи. Вот моя обречённая Зера. Видишь? Совсем небольшое отклонение от курса. По космическим, понятно, масштабам... Мы решили заглянуть в этот уголок и заложили такой курс в мозг корабля.

Получался рейс одновременно и разведывательный и научный. Была надежда разрешить астрофизическую загадку «Феномена» и географическую загадку чужого радиомаяка. Кроме как к «Феномену», привязывать его было не к чему... Добавлялась ещё и надежда на разреше-

ние другой космической загадки, может, не менее сложной. Десятки тысяч различных фактов, рассеянных по всей нашей планете и пронизывающих нашу историю, говорили о том, что мы давно находимся под наблюдением другой цивилизации, более развитой, чем наша. Вот смотри её проявления на нашей планете...

Нур-Нур умолк на минуту, и в моём мозгу замелькали картинки, знакомые с детства. «Летающие тарелки» с иллюминаторами, бесшумные светящиеся шары, «сигары» и «зонтики», стремительные прозрачные и беззвучные подводные корабли, окутанные сиянием. Всё это я видел в магнитозаписях и кинолентах, в журналах и книгах. Это называлось то АЯ – аномальные явления, то НЛО, то ФФ – феноменальные факты. Это не имело законченного научно признанного объяснения ни до моего рождения, ни до нашего отлёта на корабле «Рита-3». Эта загадка была одновременно и земной извечной загадкой.

– Изучающая нас цивилизация, – продолжал Нур-Нур, – никак не хочет идти на прямой открытый и широкий контакт с нашей. Видимо, считает нас не созревшими для нормального контакта. Может, и справедливо... Пока планета разделена на конкурирующие державы, пока существует возможность глобального конфликта, пока не ликвидировано оружие массового уничтожения, – опасно давать такой планете дополнительную научную и техническую информацию. В руках конкурентов она сейчас же обернётся новым оружием для уничтожения людей.

Нур-Нур тяжело вздохнул, а я почувствовал, что заглядывать в эту загадку сейчас уже не могу. Рука раскалывалась от боли, бежала уже не десятая, а тринадцатая минута. Пришлось стремительно выпустить из ладони коэму, снять шестой палец, под которым боль буквально набухла, и залепить ранку. Потом я положил на стол мыслеприёмник, отдышался и хотел переключаться на текущие хозяйственные дела.

Однако по инерции мозг оставался во власти информации Нур-Нура и почти автоматически «перебирал варианты». Хотелось разгадать «Феномен» сейчас же, перевести его на земную астрономическую классификацию.

По многим признакам «Феномену» могли соответствовать два известных Земле звёздных скопления. Одно из них имело номер 188 по каталогу NGC и считалось «фирменным» скоплением уральской астрономии. Ещё в десятом классе мы его «проходили» и называли самым старым из рассеянных. Возраст его – около четырёх с половиной миллиардов лет.

Именно уральская астрономическая школа, созданная в двадцатом веке Клавдией Бархатовой, исследовала это скопление особенно долго, тщательно и всесторонне. Всю жизнь Бархатова от него не отступалась. И её ученики – тоже. В итоге скопление стало как бы краеведческой достопримечательностью. Нигде не знали о нём столько, сколько на Урале. В «Малахите» неожиданно для меня выяснилось, что средние школы других районов Земли далеко не всегда включали это скопление в свои программы. Зато вчерашние уральские школьники знали его поголовно.

Однако англичане и американцы прилично знали изученное в Шотландии скопление Лебедь II из трёх с лишним тысяч звёзд в основном второго поколения, состоящих из тяжёлых элементов. И примерно триста звёзд там ничем не уступали Солнцу в возможностях для возникновения жизни. По форме скопление было почти шаровым, по составу – почти рассеянным. И во всяком случае – самым молодым из шаровых. Какое из них ближе к нур-нурову «Феномену»?

По возрасту – вроде бы «уральское». По составу – вроде бы «шотландское».

Здесь, на Западном материке, без справочников, без звёздных каталогов и атласов, мне такую задачу не решить. Да и не моё дело решать её. Я не астроном. Я способен только восхищаться людьми этой удивительной профессии, как восхищался в юности красавицей и умницей Клавдией Бархатовой, которая ещё студенткой, в тяжёлые годы войны с фашистами, поставила перед собою цель: «Хоть час в день – звёздам!»

Невероятно многого добилась она за этот «час». Она открыла два звёздных скопления, которые так и названы её именем: «Бархатова-1» и «Бархатова-2». Она построила первую на Урале астрономическую обсерваторию и создала всемирно известную уральскую астрономическую школу. Воспитанники этой школы вели астрономию и в нашем «Малахите». Бархатова исследовала в сотнях своих работ всю систему рассеянных звёздных скоплений нашей Галактики – почти по всем астрофизическим параметрам. Четыре тома атласов звёздных скоплений выпустила Бархатова за свою жизнь. Последние тома – уже со своим учеником. Её атласами пользуются и сегодня. Именем Бархатовой названы два астероида. И, таким образом четырежды повторяется её имя в космических объектах. Ни один из других российских астрономов этого не удостоился. Имена же трёх шотландцев, изучивших скопление Лебедь II, – Реддиша, Лоуренса и Пратта, – с трудом вспоминали в «Малахите» даже их соотечественники...

От звёздных скоплений мысль поползла к знакомому радиомаяку. Не он ли «окликал» нашу «Риту-3» на полпути от Земли? Тоже ведь утверждал, что его «хозяин» находится в «рое звёзд»...

Ну а если это просто другой маяк той же сверхцивилизации? Ведь она могла поставить и не один маяк!.. Как не один земной радиомаяк стоит на окраинах Солнечной системы...

Во всём этом предстоит разбираться астрономам, когда передам им расшифровку нурнуровых коэм. А у меня сейчас – свои срочные хозяйственные заботы. В Заводском районе обстоятельно загружался мой вертолёт. И надо было проследить, чтобы уложили в него и двуручные пилы – очищать площадку для птицефермы; и второй самовар – одного на всё племя уже не хватало! – и дополнительные сатины, ситцы, нитки и ножницы – кройкой и шитьём занималась уже не одна Лу-у; и первые красочные буквари – приучать детишек хотя бы к виду книги и перелистыванию страниц.

Как раз на эту работу выпал и тот день, когда все астронавты первого корабля покидали с обеда или раньше свои рабочие места и стягивались в клуб. А их подменяли ребята с других звездолётов.

Четырнадцать лет назад, именно в этот день, «Рита-1» опустилась на Материк. Семь лет этот день не замечали и не отмечали. Не до того было... Но с приходом «Риты-2», с появлением четырёхсот новых астронавтов, годовщины первого экипажа стали замечать и отмечать. В этот день переизбирали членов Совета от первого корабля, устраивали небольшой концерт – для всех! – и «узкий» банкет – только для «ветеранов».

Концерт, разумеется, готовила прежде всего Розита. И потому на узле связи с утра дежурила Аня Бахрам. А при ней, «на подхвате», Али. Ещё накануне вечером на прогулочном этаже он сообщил мне, что на концерт не пойдёт, ограничится телетрансляцией. Так как в «Малахите» торжественно поклялся Аняте нигде без неё не развлекаться. И, разумеется, получил такую же ответную клятву. На что и рассчитывал...

Со шемящей болью вспомнилось в ту минуту, что мы с Бирутой таких клятв друг другу не давали. Как-то в голову не пришло. Но практически и не развлекались врозь. Если не считать предотъездного отдыха Бируты в родительском доме на Рижском взморье, в Меллужи. Да и то я туда вскоре прилетел.

А на концерт я собирался. И самому интересно, так как в прошлый такой праздник я подменял Джима Смита на киберремонт в Нефти. И ради Лу-у надо пойти. Для неё пропустить подобное непозволительно. Когда-то ещё поймёт она, кто мы такие и откуда тут появились!.. Но уж увидеть, как мы живём и развлекаемся сообща – не на телеэкране, а в жизни! – это-то необходимо!

Для меня представление Лу-у в клубе не было проблемой. Взял за руку да повёл. В чём есть... Дорожный костюм с брюками мама подобрала ей по фигуре ещё перед отлётом на ферму. И Лу-у к нему быстро привыкла. Как и к спортивным тапочкам... Всё вокруг так одевались – и Лу-у это вполне устраивало. Она чувствовала себя в этой одежде своей среди своих.

И постепенно расширяла понятие «свой». Мама с Мишей – «свои». Ежедневно забегавшая Нея – «своя». Дочь Тушина Света и её муж Райко – «свои». И Розита стала «своя». И работники фермы – тоже «свои». В плотном круге «своих» Лу-у чувствовала себя защищённой и спокойной. К одиночеству не стремилась. И как-то само собой выходило, что в одиночестве не оставалась. Да и я брал её с собой всюду, куда только можно, даже на загрузку вертолёт. Пусть смотрит! Потом разберётся...

Однако приближение концерта, как я заметил, почему-то стало проблемой для окружающих женщин. То у мамы промелькнёт вопрос: «В чём пойдёт Лу-у?». То у Светы...

– Какая разница, в чём? – как-то вставил я, – Что есть, в том и пойдёт. Пока не избалована...

– Ты этого не понимаешь! – Мама, как обычно, было немногословна и категорична. – Не вмешивайся!

Они решали эту глобальную проблему вначале вдвоём со Светой, потом втроём – ещё и с Неяку. И решили кардинально. Ничего не подозревавшая Лу-у получила уже готовое решение – в виде роскошного индийского сари. Такие же переливающиеся сари, только других оттенков, надели Света и Нея. И в этих сари двинули на концерт. Все три рядышком. Лу-у – посерединке.

Зрелище было эффектное. Никого больше в сари среди присутствующих не оказалось. И потому троицу все заметили.

Чего я вовсе и не хотел...

Но женщины всегда решают подобные проблемы по-своему. С этим приходится смириться. Говорят, проблема «Что надеть?» – или, точнее, «Нечего надеть!» – была бы первой и главной на всемирном женском конгрессе, если бы такой вдруг состоялся...

Концерт поначалу шёл традиционно, почти в классических канонах. И вполне в русле традиционности вышла на сцену Неяку в блестящем голубоватом сари и превосходно спела алябьевского «Соловья». Ну, может, в Ла Скала её сразу и не взяли бы, но уж в Уральскую консерваторию – точно! И после этого Лу-у смотрела на Нею так же, как и на Розиту – словно на божество.

А сама Розита, вместо привычных эстрадных песенок, вдруг объявила арию Розины из «Севильского цирюльника» Россини. Хоть та и написана для колоратурного сопрано, а не для Розиты с её сочным контральто. Но уже то, что Розита взялась за арию Розины, настраивало зал на благосклонное восприятие этого экспромта.

Получился он, разумеется, комическим, и Розита явно на это рассчитывала. Слушать её начали всерьёз, а потом смеялись от души. И только бедная моя Лу-у не понимала, в чём дело, и не смеялась. И наверняка удивлялась: над чем смеются другие? Но я был не рядом, а спросить Нею или Свету она не решилась.

Розита же тем временем на особо низких тонах, почти угрожающе выводила:

...Сто разных хитростей,
И непременно
Всё будет так, как я хочу!
Всё будет так, как я хочу!

И ножкой по сцене звонко притоптывала.

Зал покатывался.

Прелестное свойство истинно умного человека: он не боится быть смешным. Знает: ему это никак не повредит.

А дальше экспромты двинули косяком.

Как-то очень вальяжно и одновременно озабоченно вышел на сцену Натан Ренцел с гитарой – будто хотел объявить о неожиданном перерыве. Но объявил другое:

– Предки мои были из России. И потому бессмертный романс этот дошёл до меня на русском. Так и спую. Как дошёл...

И запел «Очи чёрные» – густым сверхмужественным басом. И глядел неотрывно на Лую, сидевшую во втором ряду. Будто для неё одной пел. Хотя и знал, разумеется, что ни слова она не понимает.

Впрочем, рядом сидели и Света, и Нея – обе тоже с чёрными очами. Поди разбери!..

– Ну, Нат меня достал! – тихо, но азартно произнесла мама, сидевшая рядом со мной, выбралась в проход, легко взбежала на сцену и исчезла за сдвинутым вбок занавесом.

За электронным пиано на сцене в это время Ружена Мусамба, программистка из нашей киберлаборатории, наигрывала собственного сочинения «Конголезские напевы». И среди африканских взрывных эскапад мелькали у неё отчётливые – грустные и напевные! – шопеновские ноты. Как следы органичного слияния в её душе музыки обеих родин – Конго и Польши. В Варшаве родилась, на берегах Конго училась и оттуда махнула в «Малахит». А потом уж попала в экипаж «Риты-2»...

Вслед за Руженой у пиано как-то почти незаметно оказалась Розита, легко пробежала пальцами по клавишам, и знакомая старинная мелодия вдруг выпорхнула в зал. А на сцене уже стояла мама и вполне прилично – с моей, понятно, точки зрения! – пела на еврейском языке «Тум, балалайка, шпиль, балалайка!» Такую же, в общем-то, древность, как и «Очи чёрные».

Это был почти сверхэкспромт. Зал понял. Аплодировали маме долго.

– Откуда у тебя такое блестящее знание еврейского языка? – спросил я маму, когда она вернулась на место.

– Я его совсем не знаю. – Мама пожала плечами.

– А «Балалайка»?

– Это с Антарктиды. Мы там много чего пели. Такой же был молодёжный интернационал.

Как здесь.

На сцене проникновенно пел протяжную турецкую песню Омар Кемаль, а возле меня стояла Розита и шептала:

– Эрнесто ногу подвернул. Ты не можешь заменить его в «байле»?

– С чего вдруг?

– С того, что у тебя получается.

– Эрнесто с чего ногу подвернул?

– Он сам не свой. Его сегодня в Совет выбрали. Он не хотел. Говорит, это будет мешать работе.

– Вместо кого выбрали?

– Вместо Вебера... Так ты пойдёшь на сцену?

– Только безо всяких переодеваний!

Розита на секунду задумалась, потом согласилась:

– Может, оно и лучше. Сразу видно – экспромт. Сегодня это главный принцип концерта.

Она увела меня за кулисы, и после Омара на сцену выскочили мы.

– Как в космосе! – успела шепнуть Розита. – Давай точно как в космосе!

Она, видно, боялась, что будет хуже. Но получилось, мне кажется, даже лучше. От полного моего отчаяния!..

Когда в космосе плясали мы с Розитой кубинскую «байлю», – всё было впереди. Мы были полны надежд. И мысли не возникало, будто что-то может быть у нас в последний раз. Всё было в первый! А сейчас всё главное, всё самое прекрасное было позади. И я выкладывался полностью. Потому что, может, и это – в последний раз? Ни за что не угадаешь, когда настигнет тебя последний танец, последняя ночь, последняя сладкая «остановка» в биолёте с прекрасной женщиной. Ни за что не угадаешь!

Не было у нас с нею «проводов любви». Всё оборвалось так стремительно! Но в этот танец, кажется, невольно вложил я наши проводы...

Мы остановились в полной тишине. Зал замер. Неужто настолько плохо?

И тут обрушились аплодисменты.

Я посмотрел на маму. У неё в глазах стояли слёзы. Похоже, она безошибочно поняла, что у нас позади.

В третьем ряду я отыскал Вебера. В его голубых глазах застыл страх. Перед тем, что будет. Или может быть...

Непроницаемые узкие глаза Неяку смотрели иронично и подозрительно: «У вас всё впереди? Или уже позади?»

Миндалевидные индийские очи Светы были снисходительны: «Ну, побесись, братик, побесись... Пройдёт! Перебесишься!»

Почему-то именно в этот момент я вдруг почувствовал, что появилась у меня старшая сестра, которая может вот так подумать и даже сказать. По-родственному... Раньше не воспринимал я Свету как старшую сестру...

И только Лу-у была в полном восторге, и в глазах её сияло счастье. Ничего она не поняла, кроме того, что я так лихо умею дрыгать ногами.

После этого какая-то часть концерта для меня будто провалилась. Никак не воспринимал её. Перед глазами были только руки, ноги да чудесный ласкающий взгляд Розиты – в бешеном танце, в бешеном темпе. Снова и снова! Как в бреде...

Выплывать из бреда стал я, когда на сцену тихо вышли супруги Косовичи со скрипкой и альтом.

– Паганини, – тоненьким голоском объявила моя тёзка, Алессандрина, которую в «Малахите» называли так же, как меня – «Сандра». – Соната номер три, – уточнила она. – Обычно исполняют её с гитарой. А мы давно исполняем с альтом. Судите сами!

И чистым звонким горным ручьём, с хрустальными перепадами и водопадами, с редкими тихими заводьями, понеслась с заснеженных вершин пронзительная мелодия. И в ней сразу сосредоточились для меня и трагическая жизнь самого Паганини, и детские да юношеские мои мечты о том, чтобы побродить по прекрасной Италии. Но на Земле этого я не успел. Лишь в стереокино гулял по итальянским городам да в неподвижных голограммах осторожно трогал неповторимые мраморные скульптуры.

Судить об уровне исполнения я не мог – не тот знаток... Для меня оно было прекрасно! Как и то бесконечно далёкое в пространстве и во времени место, где познакомился я с миниатюрной итальянкой Сандрой.

Я спешил тогда в киберлабораторию «Малахита», и звонкий девичий голос окликнул меня на одной из аллей:

– Сандро! Сандро!

Я обернулся и увидел, что незнакомая девчонка смотрит мимо меня и подзывает кого-то рукой. Шёл первый «малахитский» месяц. Мы ещё мало кого знали. Тысяча девчат со всего мира, тысяча парней...

– Вы ко мне? – растерянно спросил я.

Она отрицательно помотала головой, и в это время из боковой аллеи донеслось:

– Эля, я тут!

Прелестное маленькое создание вывернулось из-за кустов, почти ребёнок – однако со вполне развитыми женскими формами.

– Ты тоже Сандро? – спросило меня это создание и лучезарно белозубо улыбнулось.

– Тоже, – согласился я.

– Тогда будем знакомы, тёзка! – Она протянула крохотную ручку. – Сейчас ты нас извини – мы бежим в музыкальную студию. Если интересуешься скрипкой, приходи туда!

Скрипкой я не интересовался, в музыкальную студию не пошёл, некогда было. Но Сандру Тонелли быстро выделил среди других «малахитских» красавиц и улыбался ей ничуть не менее лучезарно, чем она мне. Дальше этих улыбок на бегу дело не двигалось. Она не заговаривала, я – тоже.

А вскоре в мою жизнь тихо, незаметно, но прочно вошла Бирута.

Улыбки наши с Сандрой она, разумеется, засекла, поинтересовалась как бы между прочим их предысторией, и ехидно подытожила:

– Знаешь, как звали бы вас, если бы вы вдруг поженились?

– Как?

– Сандры! Очень благозвучно! Почти как «крокодилы».

Насколько я понял, миниатюрная скрипачка Сандра не очень-то и огорчилась, когда несколько раз подряд увидела меня рядом с Бирутой. Возле Сандры в это же примерно время появился чернокудрый красавец с громадными карими глазами и с бровями, которые срослись над переносицей. Это был единственный серб, отпущенный его страной в наш «Малахит» за всю его историю. Звали его Милован Косович, изучал он строительные механизмы и уже в «Малахите» строил новые корпуса. Как практикант, понятно. А я, тоже как практикант, ремонтировал и заменял на его участках киберустройства.

Не знаю уж почему, но особой дружбы с этой парой у нас не возникло. Может, сказалось молчаливое отталкивание Бируты? Может, это были первые робкие проблески её последующей болезненной ревности? Отношения с Косовичами так и ограничились молчаливыми улыбками и отчётливой взаимной симпатией. Никакое общее дело Бируту и меня с ними не сближало. Их поглощала музыка, а мы с Бирутой могли её только слушать. Сандра позже прославилась в «Малахите» ещё и как фотограф-художник. Её уральские пейзажи были потрясающими. Она видела то, чего сами уральцы не замечали. Но я мог только любоваться ими. В моей практике фотография всегда была лишь техническим подспорьем, и не более. На искусство в этой области я был не способен.

Как, впрочем, и в других...

Здесь, на Рите, Сандра вела музыкальные занятия в школе и в интернате для малышей. Милован пропадал на стройплощадках. Отношения мои с ними оставались такими же, как и в «Малахите»: лучезарные улыбки и короткие приветствия. Но почему-то я чувствовал, что стоит сделать один шаг – всего шаг! – к ним, и оба сразу раскроются навстречу. И всё у нас будет легко и просто, как у старых друзей.

Вот только сделать этот шаг всё время было некогда...

После Косовичей настала полуминутная пауза, и вдруг откуда-то сзади негромкий голос нашего командира Пьера Эрвина отчётливо произнёс:

– Се-си-бон...

Все привычно притихли, как всегда притихали, чтобы услышать, что он скажет. Редко он говорил, но неизменно метко.

– Се-си-бон... – повторил он уже чуть напевно и вышел в проход между последними рядами.

А на сцене уже изгибался Джим Смит со сверкающим саксофоном и выводил мелодию бессмертной песни, слова которой обновлялись каждые полвека, а настрой сохранялся неизменным. И Нат Ренцел с гитарой стоял вальяжно на краю сцены, и натянутая, словно струна, Изольда Монтелло с мандолиной – на другом краю. И откуда-то сверху, с какой-то закулисной лестницы, высунулся сквозь малиновое полотнище занавеса длинный тромбон с сурдинкой, а за ним виднелась рано лысеющая голова Грицька Доленко. И я понял, что это не экспромт, а программная, плановая концовка концерта. Но – «под экспромт»! И слова песни были новые, наши, здешние. То ли сам Пьер их написал, то ли Розита...

– Хорошо, – пел Пьер, – что мы все вместе и добры друг к другу. Несмотря на всё, что с нами было. Поверьте, это счастье.

– Хорошо, – продолжал он, – что все мы хотим того, что имеем. Поверьте, это счастье.

– Хорошо, – утверждал он, – что мы свободны и не замечаем свою власть. Будто нет её! Поверьте, это счастье.

– Хорошо, – заканчивал он, – что нет у нас ни одного человека, более важного, чем другой человек. Поверьте, это счастье.

«Философская песня! – подумалось мне. – Наверное, пора уже и профессиональным философам тут появиться... Вдруг прилетят прямо на следующем корабле?.. Как бы попроще объяснить эту философию моей конкретно мыслящей Лу-у?»

4. Тайна движения НЛО

Вся зрительная информация о «тарелках» была в коэме Нур-Нура удивительно похожа на земную. Будто одна цивилизация их отправляла. Та же внезапность появления, будто из ничего. И внезапность исчезновения, словно в никуда. Та же бесшумность и то же многообразие форм. Тот же холодный облик чужих астронавтов, которые наблюдают за людьми примерно как мы за муравьями. В общем, знакомая песенка НЛО, АЯ и ФФ, знакомая и, кажется, бесконечная цепь эпизодов. И нет им до сих пор на Земле безукоризненного строго научного объяснения. Есть лишь туманные намёки на тайное общение инопланетян с какими-то сверхвысшими нашими кругами, которые подтверждать это общение никак не желают.

– Мы всё вокруг дотошно изучили, – признался Нур-Нур. – Неоткуда появиться этим наблюдателям, кроме как из звёздного скопления «Феномен». А там может разместиться не одна, но несколько цивилизаций более древних, чем наша. И, если они оттуда, значит, там там искать нечего. Они, значат, сами ищут подходящую планету при подходящей звезде, куда можно перенести свой дом. Судьбы стабильных жёлтых звёзд в нашей жестокой Вселенной похожи, как человеческие. Девять миллиардов лет звезда созревает до вспухания в красный гигант, поглощающий ближние планеты. Это максимальный срок жизни звёзд, возле которых может зародиться жизнь. Все остальные типы звёзд живут меньше. За исключением разве красных карликов. Но возле них никакая жизнь невозможна... Половина жизни жёлтой звезды уходит на появление и развитие в её окрестностях мыслящей материи. Но едва эта материя осознаёт неумолимую судьбу собственного светила, как начинает искать новый планетный дом. Возле такой же точно звезды, но помоложе. Хоть чуть-чуть помоложе! В космическом понимании миллионы лет туда – сюда – это как раз и есть «чуть-чуть».

Нур-Нур остановился, перевёл дыхание и показал себя.

– Это я в зеркале, – тихо пояснил он. – Чтобы ты представлял, кого слушаешь...

У него был лысый череп, как и предполагал Али, который начал реконструкцию бюста по сохранившимся костям. Глаза Нур-Нура были озорные, рыжевато-зелёные, как у сибирской кошки. И громадные, по земным понятиям. Раза в полтора больше моих. Уши оттопыренные, как локаторы. Губы – толстые. И лёгкая улыбка – усталая. Не красавец! Но умница и озорник!

Невольно вспомнилось, как на концерте самодеятельности в «Малахите» Марат Амиров громко требовал:

– Пусть нами правят лысые! Они дальше других ушли по пути превращения обезьяны в человека!

– Твоей цивилизации, – предупредил Нур-Нур с усталой улыбкой, – предстоят те же самые поиски другого планетного дама. Ничто иное разумной цивилизации не светит. Едва созреете – начнёте искать другую планету возле другой звезды.

Лицо Нур-Нура стало прозрачным и растворилось в звёздном небе. И в центре его возникло знакомое изображение скопления «Феномен». Удивительно похожего на NGC 188.

– У твоей звезды Капи, – продолжал Нур-Нур, – будет такая же судьба, как и у нашей Зеры. Только случится это на два миллиарда лет позже. Вот и весь ваш резерв! Хотя, поверь, это немало. Боюсь, что у тех, кто взял под наблюдение мою планету, резерв вообще на исходе. Отсюда и их бешеная активность. И, значит, их массовое вторжение ожидает нас куда раньше, чем вас наше массовое вторжение. Собственно, нашего может и не быть, если они нас уничтожат. Вместо нас тогда придут они, более сильные. Но вы не отличите их от нас...

Нур-Нур снова перевёл дыхание, сделал паузу, а я подумал, что одним махом он разрешил извечную проблему земных космологов, радиоастрономов и космонавтов: зачем разным цивилизациям искать друг друга? Одни полагали: из чистого любопытства. Другие – из жадности новой технической информации. Третьи – из бескорыстного желания помочь отставшим. А

Нур-Нур обозначал всё резко и безжалостно: из неумолимой необходимости спасти свою цивилизацию от кошмарного конца собственной звезды, которая, став красным гигантом, сожрёт ближние планеты.

Землянам это уже знакомо. До поисков нового дома мы созрели...

– В судьбе вторжений из космоса, – продолжил Нур-Нур, – всегда действует закон оптимального развития мыслящей материи. Есть такой закон! Суть его в том, что заинтересоваться вашей планетой могут только такие же существа, как мы или как они. То есть, такие же, как вы. Разумным существам иной природы, иных категорий ваша планета не подойдёт, будет ни к чему. Они не смогут на ней жить. Хотя она, на мой взгляд, и прекрасна. Потому что сами иные существа будут высшим, оптимальным результатом, венцом творения другой среды, другой природы. И именно её будут искать в космосе. Как мы ищем планету, подобную нашей. И не сможем свободно и спокойно жить на другой – ни большего размера, ни с иной атмосферой или иной водой. Иные условия породят иной вид разума. Мы уже знаем, что встречается разум в облаках космической пыли. Что есть планеты, где разумен мировой океан. Что чётко организованные сообщества могут создавать гигантские насекомые, заселяющие целые планеты. Но зачем нам такие космические дома? Рядом с их разумом мы не уживёмся. К их природе не приспособимся. Да это и не нужно. Потому что разум, не соответствующий данной природе, сразу же будет угнетён ею, деградирует, а потом и уничтожен. Этот закон оптимального развития мыслящей материи надо учитывать загодя, до начала своих действий. Иначе они будут бессмысленны, и конец их будет ужасным. Вот, примерно, таким...

Я увидел, как гигантские пауки мчатся широко размахнувшимся полукругом по зелёной равнине и сжигают веерными лазерами всё живое на своём пути: людей, скот, небольшие посёлки... А потом эти же пауки, неподвижные, бессильные, грязно-серые, издыхают на берегах озёр и рек, из которых хотели напиться. Обычная вода стала для них быстрым ядом.

– Это из нашего фантастического фильма. – Нур-Нур усмехнулся за кадром. – Ещё в юности я его видел... К счастью, подобных вторжений моя планета не пережила... Но не исключено, что и твоя планета давно под тем же колпаком, что и моя. Под колпаком наших биологических братьев... Просто вы этого не замечаете. Ибо не понимаете, того, что видите. У нас когда-то было то же самое. В древности наши народы не понимали космического наблюдения и потому не замечали его. Даже когда наблюдатели делали для нас что-то очень полезное. Например, создавали алфавиты древнейшим государствам. Лишь в новое время выяснилась странная общность всех древнейших алфавитов. Их создатели не имели корней в своей нации, возникали ниоткуда и в никуда исчезали. Историки не могли докопаться ни до их родителей, ни до их детских и юношеских лет.

И не могли найти их могил. Появился человек, создал алфавит для народа, тихо исчез... А уж на базе древнейших алфавитов возникали другие, вторичные, более молодые. Их создатели просматриваются чуть ли не до пятого колена. И могилам их поклоняются толпы... Космическое наблюдение мы заметили лишь с этого...

Я вижу, как три гигантские «летающие тарелки» с иллюминаторами ровным строем идут сравнительно невысоко над землёй. А навстречу им – эскадрилья «махолётов», чёрных и мрачных. И «махолёты» разворачиваются, рассыпаются, удирают на разных высотах к своим базам. А «тарелки» собираются в треугольник и неподвижно повисают над местом несостоявшегося боя.

– Так была предотвращена одна из малых войн, – комментирует Нур-Нур. – Пиратский налёт на маленькую страну не состоялся... Тут уж все признали инопланетное вмешательство. Других объяснений быть не могло! А поначалу инопланетные корабли считали шпионскими аппаратами конкурирующих держав. Десятилетия прошли, пока удалось разобраться, что конкурирующим странам такая техника не под силу. Но к моему созреванию всё стало предельно ясно: и недоступность их кораблей нашим средствам изучения и обороны, и демонстратив-

ная, больше показная их нейтральность, и способность помочь нам в критических ситуациях, спасти жизнь людей, а порой и судьбу малых стран. В то же время обнаружилось и жестокое стремление чужаков изучать нас любой ценой – хоть откровенным и навечным похищением, хоть расчленением на части.

Очень многие таинственные необъяснимые исчезновения людей по всей планете, порой на глазах у десятков свидетелей, получили, наконец, логичное объяснение именно в любознательности наших незваных космических гостей. Если бы все они были с одной планеты, давно изучили бы нас до тонкостей, и не понадобились бы им ни похищения, ни расчленения, ни многочисленные опыты на биологическую совместимость. Однако всё это продолжалось, конца не просматривалось, и становилось ясно, что изучают нас представители разных планет, разных цивилизаций. Но, похоже, соседствующих. Об этом говорили и различный их рост и различный внешний облик. Хотя всё было в пределах обычных понятий о гуманоидах. Объяснялось это – и легко! – лишь их происхождением из одного звёздного скопления. Вероятно – из «Феномена».

– Мы были бессильны перед ними, – грустно признаётся Нур-Нур. – Как бессильны перед человеком лесные букашки. И, как букашки замирают порой под безжалостным взглядом, так и нас парализовал обычно их холодный взгляд. Ни рукой шевельнуть, ни ногой... Пока они от нас не удалялись на приличное расстояние... Приятного в этом мало. Но куда денешься? Выскочить со своей планеты почти так же нелегко, как и из собственной шкуры. Наша экспедиция выскочила, но я до сих пор этому не рад. Лучше уж не ходить мне в звездолётчики, чем прожить жизнь так, как я её прожил. А ведь другой жизни не дадут!

Нур-Нур отчётливо вздохнул, и перед ним (и передо мною) промелькнули солнечные картинки его детства с ласковыми руками и влюблёнными глазами родителей, первые свидания с белокожей и рыжеватой девушкой, первые победы в прыжках через высоко поднятую планку, первые полёты над землёй в прозрачном шаре. Обычное начало жизни! И необычное продолжение, тяжкий конец в девственных джунглях чужой планеты, которые сменили, оттеснили и плотно заслонили светлые воспоминания детства и юности.

– Нам удалось, – продолжал Нур-Нур, – разгадать принцип движения ИХ кораблей. Некоторые из них всё-таки терпели аварии на нашей планете... Обломки мы собирали, изучали... И во всех погибших кораблях обнаруживались обязательные торы¹ – горизонтальный и вертикальный. Соотношение их величин было различным – в зависимости от назначения корабля... И все торы – с сильнейшими магнитными полями. Я воспроизвожу их сейчас по памяти, по тем чертежам, рисункам и фотографиям, которые мы изучали в школе звездолётчиков... Понятно, и все конструкции их кораблей были таковы, что в них легко вписывались два перпендикулярных тора. А внутри торов, в нерушимых объятиях магнитных полей, крутился с бешеной скоростью жгут плазмы, или ртути, или просто железного порошка. И эти жгуты поднимали корабль и двигали в любом направлении практически с любой скоростью. Скорость жгута и определяла скорость корабля. Она могла быть и сверхсветовой. Поэтому и казалось, что корабль возникает из ничего и исчезает в никуда. А он просто переходил границу световой скорости...

– Мы начали строить такие же корабли, но не всегда удачно. – Нур-Нур опять отчётливо вздохнул. – Аварий было много! Надёжности – мало. Для медленных экскурсий на небольших высотах они ещё годились. Но для космоса!.. До этого было далеко! Да и сейчас, наверное, далеко. Иначе такие корабли с нашей планеты уже появились бы здесь. А их не видать... Но ещё придут! В покое твою планету они не оставят... Слишком уж она хороша!

– Мы любовались твоей планетой, – признался Нур-Нур, – ещё из космоса. Девственная прекрасная зелёная земля, без городов и дорог, безо всяких следов технической цивилизации.

---

¹ Тор – полая труба в виде бублика.

Лишь редкие крошечные первобытные селения... Обилие воды и кислорода, постоянство климата – о чём ещё мечтать? Всё было бы отлично, если бы нашему командиру Капи не пришла в голову идиотская мысль привезти домой, как он выразился, «представителей здешней мыслящей фауны». А заодно и произвести над ними в дальней дороге, по его славам, «несложные эксперименты на совместимость».

Не я один – пять членов команды сказали: «Незачем нам уподобляться тем, кто дома нас самих изучает так же. С теми же «несложными экспериментами»... Но командир не уступил. Он сделал всё по-своему, и кончилось это ужасно...

Нур-Нур умолк, я тут же вырубил коэму, ибо знал, чем это кончилось. С детства знал про тот остров, засыпанный неведомо откуда взявшимся на первобытной планете радиоактивным пеплом. И вот теперь добрался до того, как это началось.

Однако рука стреляла болью, ровный зрительный ряд в мозгу начинал сбиваться на бессмысленное мелькание, и сеанс чтения коэмы пора было прервать.

Сегодня предстояло закончить загрузку вертолёта. Чтобы завтра поутру вылететь. Автоматический пеленгатор сдуру я вернул вместе с контейнером, на котором он был установлен. Забыл снять. Другого отсюда включаемого на Западном материке нет. Так что летишь – гляди в оба! И на ночь глядя не полетишь...

С собою мне предлагали куб с цыплятами. Я отказался – куда там с ними?.. При несобранной-то ферме... Согласился лишь на один выводок вместе с наседкой и петухом. Для них сборную загородку можно поставить за полдня. А остальное – потом. Когда расчищу площадку, поставлю хоть одну секцию фермы, подготовлю корм и воду.

Помимо того, что Лу-у стала птицеводом, мне и самому пришлось им стать. Не на женщину же вешать сборку фермы! А как её собирать, не ведая основ дела? Пришлось позаботиться и о ручной помпе со шлангами в полкилометра. Не в вёдрах же воду таскать!.. И о печке для сжигания помёта. Иначе чистую Аку запакуем... И о мешках для золы от помёта. Прекрасное будет удобрение! Только огородов пока нет. Сюда придётся везти... И ещё о многом-многом другом, чего женская птицеводческая наука в себя не включает.

Одно осталось практически не решённым: вентиляция. На аккумуляторах её не наладишь: не навозишься аккумуляторов. Хоть и есть небольшой запас в селении ту-пу... Но это – крохи. Вот когда ветряк удастся привезти, тогда и вентиляция обретёт почву. А пока куда денешься от естественной?

Вертолёт получался загруженным под завязку. Машины эти у нас самые лёгкие из всех земных. Средние обещали с последующими кораблями. В «Малахите» объясняли это просто: – У вас поначалу проблемой будет горючее, а не грузоподъёмность. Пока обеспечите себя нефтью в достатке – придут другие машины.

Мы не спорили в «Малахите». Много ли понимали?.. А теперь чешем затылки из-за грузоподъёмности.

Диспетчер Толя Резников предложил:

– Давай разделим груз на две машины и вторую пошлём на следующий день по радиолучу.

Я прикинул, сколько времени уйдёт на разгрузку всего добра и перетаскивание в селение – и ужаснулся. В контейнеры влезало далеко не всё, переносить надо сразу после выгрузки, особенно живность и корм. Да ещё загородку... Всё самое срочное уже лежало в вертолёте. Выходило, что вторая машина простоят в пойме Кривого ручья несколько дней. Так не проще ли через несколько дней её и отправить?

Сели пересчитывать с Толей всю загрузку заново, выкинули из первой машины запасные пилы, страховочный запас кормов и даже петуха. Погуляет пока наседка без него... Выкинули ящик «Тайпы» и заменили тремя бутылочками. Выкинули коробку со сладостями и почти весь запас мешков для золы от помёта. Оставили три мешка. Количество букварей сократили тоже до трёх. Убрали контейнер с инструментом, который я надеялся отвезти в селение ту-пу – для

Вига. Давно уже там не был... И, в конце концов, привели наши желания в соответствие со скромными возможностями машины.

А когда после этого вернулся я домой, увидел в коридоре громадную битком набитую сумку, куда мама нежно укладывала переливающееся сари в прозрачном пакете.

– Это что, с собой? – удивился я.

– А как ты думаешь? – невозмутимо ответила мама. – Поносила – и оставила?

– Ты хоть смутно представляешь себе, – спросил я, – куда там можно прогуляться в этом сари?

– А хоть куда! Ей видней!

– Дамы там ходят в шкурах или в юбках из сатина. – Я старался объяснить как можно спокойнее. – У Лу-у – единственный на всё селение сарафан. Для приёма гостей. Но гости там редки. Куда ещё сари?

– У тебя костюмы разбросаны от Нефти до космодрома, – столь же спокойно парировала мама. – Для тебя это нормально. Но это не может быть нормально для женщины. Ей надо иметь при себе максимум одежды.

– А что там ещё, в этом максимуме? – Я кивнул на сумку.

– Бельё. Обувь. Платья. Сарафаны. Всё очень скромно. Ничего лишнего.

– Может, наряды оставить здесь? Прилетит – наденет. Там-то наверняка не наденет. И хранить негде.

– Ну как ты не понимаешь? – возмутилась мама. – Если ей подарили, она должна взять с собой. Если не возьмёт с собой, – значит, не подарили, а дали поносить. Ты хочешь, чтоб она мыслила так же, как Бирута?

Всё! Я был бит и понял, что зря полез в этот спор. По инерции, разумеется, полез... Только что ужимали до минимума груз вертолёта... Ну, что ж, выкину в последний момент ещё один мешок для золы. Если, конечно, он отыщется сверху...

За ужином спросил я отчима:

– Проявляет себя как-нибудь племя ра после гибели Марата? Раньше они нередко появлялись на ферме, наблюдали. А сейчас, пока мы там были, ни одного случая!

– В других местах – то же самое, – подтвердил Тушин. – Будто вымерли! Они сейчас не заходят восточнее дороги на космодром и севернее дороги в Заводской район. По сути, нам от них только того и надо. Пока!.. А им от нас, наверное, надо уже больше.

– Привыкли к снабжению?

– Мы сами приучили. – Тушин усмехнулся. – И свежее молочко, и стущёнка, и сладости, и немало мяса – всё шло через Марата. А сколько разного инструмента мы им отдали!.. Марат приучил их к супам – мы подкидывали им бульонные кубики. Много давали! – Тушин вздохнул. – И не жалко – стали бы только людьми!.. Теперь, понятно, ничего этого у них нет. Что ж, пусть думают! Воспитание людей, в конечном итоге, сводится к умению думать над своими поступками. Чем выше процент обдуманных поступков, тем ближе просто Ното к Ното sapiens. Тебе, как кибернетику, это должно быть хорошо известно.

Тушин умолк, а я вспомнил то, что объяснял нам ещё в детской киберлаборатории первый мой преподаватель электроники Юлий Кубов.

– Самый неквалифицированный человек, – рассказывал он, – обдумывает всего пять процентов своих поступков. Остальные совершает совсем не думая – или инстинктивно или по привычке. На этом уровне раньше находилось мышление необразованных чернорабочих. Потом их легко заменили роботы. Сейчас мало кто мыслит на этом уровне. Разве большие?.. Примерно десять-пятнадцать процентов своих поступков обдумывает средний технический персонал. Раньше это был слой бригадиров и мастеров, которые командовала чернорабочими. Сейчас это командиры роботов. То, что вы, ребята, уже умеете... – Кубов обвёл всех широким движением руки. – Следующий рубеж – двадцать-двадцать пять процентов обдуманных

поступков. Это киберремонтники, инженеры, конструкторы, рядовые врачи, и такие учителя, как ваш покорный слуга. – Кубов при этом церемонно наклонил крупную голову и сверкнул лысиной. – А вот академики, космонавты, крупные изобретатели, дипломаты, разведчики в пору великих войн обычно достигали тридцати процентов обдуманных поступков. Больше у человека пока не зарегистрировано. Так что стремитесь к своим тридцати процентам. Используйте мозг по максимуму!

Вопросов тогда было много, и я спросил о политиках. Юлий Кубов сморщился как от зелёного лимона и отмахнулся от моего вопроса.

– У кого как, – сказал он. – Эта профессия демонстрирует полный диапазон – от пяти до тридцати процентов. Понятно, что чем меньше трупов и крови на политике, тем он умнее. Самый бескровный, не погубивший ни одной души – он же и самый умный...

На следующее утро мы с Лу-у улетели, и затем я убедился, что мама оказалась кругом права. Сумку со своей одеждой Лу-у сразу унесла в хижину отца, и по вечерам, после возни с наседкой и цыплятами, демонстрировала там новые наряды вначале дамам из своей семьи, а потом – всем женщинам селения. Какие разговоры при этом шли, я уж не знаю. Но женщины текли в хижину несколько вечеров подряд, как на популярные спектакли в театрах моего родного уральского города. А бедный Тор, изгнанный на это время из собственного жилища, терпеливо плёл пол из лиан во второй геологической палатке.

Вероятно, это были первые на Западном материке массовые уроки современной моды и разговоры об эстетике одежды. Уж в каких они велись терминах – Бог весть! До того ли?.. Важно, что велись. И безо всякой организаторской работы.

Вполне возможно в этих беседах затрагивались и перспективы птицеводства на Западном материке, и говорилось о том, как живут за морем «сыны неба».

К темноте Лу-у возвращалась в нашу палатку и засыпала быстро, очень усталая.

– Что хоть ты им рассказываешь? – как-то поинтересовался я.

– Всё! – ответила Лу-у. – Я одна видела больше, чем все они вместе.

И срезу уснула.

Каким был бы я болваном, если бы настоял на том, что новые наряды Лу-у надо оставить в доме мамы!

5. Бусы для избранницы вождя

Теперь коэма Нур-Нура показывала мне то, о чём когда-то, давным-давно, поведала на нашей ферме Ра – первая женщина этого несчастного племени, попавшая в руки землян. Только те древние события, предание племени, предстали сейчас в моём мозгу с другой точки зрения. Нур-Нур, оказывается, принимал в тех событиях участие. По его свидетельству, оно было пассивным.

В первом визите на тропический остров, населённый племенем ра, руководил группой астронавтов заносчивый сын командира корабля. Звали его Ангру. Именно он решил прихватить «для несложных экспериментов» симпатичную рослую девчонку. Проверить «биологическую совместимость». Этой девушкой и прикрылся Ангру от отравленных стрел, которые неожиданно полетели в незащищённые глаза астронавтов. Двое при этом погибли. Сын командира «героически» вернулся на корабль с их телами, и первый заговорил о необходимости «достойно ответить». Чтобы никому на планете неповадно было! На все века!

– Кому мстить? – возражал навигатор Нур-Нур, которого в ту пору звали Роли. – Они же не ведают, что творят!

– Ответить надо так, чтобы впредь ведали! – настаивал Ангру. – Не хотят нас слушаться – пусть боятся! Не любви их мы ищем, а повинения! Страх должен сковывать их так же, как нас самих перед чужими астронавтами. Мы не можем и даже не решаемся делать им зла. То же самое должно быть и здесь, таков закон космоса. Не в наших силах его изменить. И не в наших интересах.

Командир Капи не участвовал в споре, хотя и внимательно слушал. Но следующий шар на остров племени ра повёл он сам.

И, похоже, включил в экипаж Роли не случайно, а ради «перевоспитания». Чтоб осознал неумолимое торжество силы.

...Я увидел прозрачный шар, из которого неторопливо выбрались астронавты в лёгких серебристых скафандрах. Один остался в шаре.

– Не вышел я на этот раз, – пояснил Нур-Нур. – Кто-то должен был остаться в лодке, и я вызвался сам. Поскольку трусом меня никто никогда не считал. Я мог себе это позволить... Видел я всё. Однако всего не знал. И в голову мне не могло прийти, что в днище лодки помещена небольшая атомная бомбочка.

Роли видел, как астронавты тащили к шару захваченных в плен подростков. Он видел, как над островом командир нажал кнопку. Он и мне показал это. Но только когда поднялся огненно-чёрный атомный гриб над несчастным островом, Роли понял, что произошло. И ужаснулся. И чуть ли не с предсмертным холодом в сердце осмыслил, что с таким командиром он никуда летать не может.

– То, что совершил Капи, – объяснял Нур-Нур, – стало для меня отчётливым свидетельством полного разложения не только правящей элиты, но и моей среды. Если звездолётчики оказались способны на такое, те чего ждать от политиков, которых мы всегда считали намного ниже себя в нравственном отношении?..

Я увидел жуткий разрастающийся чёрно-красный гриб глазами Нур-Нура. И, хоть было это сотни лет назад, ощутил такой же, как у него, холод в сердце.

Наверное, после такого холода жить по-старому невозможно.

– Не знаю... – Нур-Нур отчётливо вздохнул. – Восстановится тут когда-нибудь справедливость, нет ли... Обычно несправедливость творится быстро, порой стремительно, а справедливости приходится ждать десятки лет. И можно вообще не дожидаться... На моей планете это, увы, закон истории. Вот как сложится на твоей?.. Во всяком случае, я советую тебе всеми силами сокращать этот разрыв. Чем он будет меньше, тем меньше станет и несправедливости.

Жестокие люди не боятся дальнего возмездия, но будут бояться возмездия близкого и быстрого.

Собственно, после этих событий у Роли осталась одна задача: незаметно сбежать с корабля вместе со своей женой Азгу. Не хотелось возвращаться на преданную, проданную и разорённую родину, не хотелось просить брезгливой милости у ненавистной страны-соперницы. А больше профессиональному космическому навигатору негде приложить свои силы на родной планете. И нечего искать в космосе под началом командира, способного на варварское массовое убийство.

– Не пропадём? – спросил Роли жену.

– Не пропадём! – ответила Азгу. – Вдвоём мы не пропадём нигде!

Она была медиком и биологом. Знания её были необходимы в любых условиях.

Супруги напросились вместе в экспедицию на следующем разведывательном шаре и тихо исчезли в непроходимых джунглях на юге того материка, который позже мы назвали Западным. Сын у них родился уже здесь, и жили они не в одном месте, а во многих, постепенно передвигаясь к северу, где климат для них был более привычным.

Их долго искали. Они видели из густых зарослей несколько поисковых шаров. Они слышали и громкие звуковые призывы, и обращения по радио. Вероятнее всего, товарищи по экспедиции сочли их погибшими.

С собою у них было немного: надувные палатки, портативные двигатели на ногах, достаточно оружия, инструментов и лекарств. Скромную жизнь в лесах, полных дичи, это обеспечивало. Роскоши они никогда не знали и не стремились к ней. Тут действовало неизменное преимущество неизбалованных людей над избалованными... А душевное равновесие и чистую совесть они обрели на новой земле сполна.

Наши медики, патологоанатомы и микробиологи, которые сообща анализировали останки Нур-Нура, пришли к выводу, что прожил он около двухсот восьмидесяти лет по земным меркам. Выяснилось это довольно быстро.

Даже для вполне благополучной Земли такой срок жизни был недостижимым, когда мы улетали с неё. И уж, как минимум, он доступен только человеку, который жил в ладу со своей совестью. Те, кого совесть терзает за давние подлости или преступления, долго не живут. Сие известно давно и не одним медикам...

На этом отложил я чтение коэмы, не дожидаясь боли в руке. Впереди было самое важное: Нур-Нур на Западном материке. Так, по крайней мере, мне казалось. Мой предшественник... А, может, и учитель?

Ещё до начала расшифровки, когда выяснилось, что оставил Нур-Нур именно коэмы, а не что-то другое, Бруно Монтелло попросил меня:

– Если обнаружишь в коэмах атомную бомбардировку – сообщи мне сразу. Договорились?

Я пообещал, и теперь пришла пора выполнять обещание. Поэтому, отложив коэму, я сразу вызвал Бруно и коротко пересказал то, что узнал сегодня.

– Ожидал я что-то подобное, – признался Бруно. – На такие акции против незащищённых народов способны лишь тиранические режимы. Они либо уже стали, либо становятся фашистскими. Такой позорный эпизод был и в истории моей страны. В Италии тогда правил фашист Муссолини. Именно его авиация залила ипритом непокорную Абиссинию. Вначале применили иприт против абиссинских войск, а потом – против всего населения. Целые деревни заливали! Только так и покорили страну. Через девять лет Муссолини повесили за ноги. А в Абиссинии ещё полвека тысячи людей умирали от кожных болезней. – Бруно вздохнул. – Теперь, по крайней мере, я знаю, кто может пожаловать к нам из космоса. Если у них сверхсветовые скорости, они могут объявиться на орбите в любой момент. И никакие астрономы загодя их не обнаружат. Потому и попросил я тебя о своевременной информации... Ну, что ж, подготовимся. Спасибо!

– А ты не допускаешь, – вставил я, – что прилететь могут другие люди? Всё-таки полтыщи лет прошло... Земля за такой срок изменилась очень сильно!

– Допускаю! – согласился Бруно. – В этом случае приготовления не понадобятся. К хорошему чего готовиться? – Он коротко хохотнул. – Если взять за точку отсчёта полёты в дальний космос, – предположил Бруно, – то на Земле тиранические режимы исчезли спустя примерно полвека. А вслед за ними – и войны. В масштабах истории это миг! Но ведь не для всех обязательны законы земной истории! Даже и для биологических братьев... Готовиться всегда надо к худшему варианту. Тогда и будешь готов к любому. Согласен?

Возражать было нечего. Бруно отключился, и я потопал к вертолёту за очередной порцией оборудования для птичника. Лу-у развлекалась с наседкой и цыплятами. Для неё это пока было не столько работой, сколько игрой. В игре, понятно, участвовали и дети. Особенно старался братишка Лу-у, Гар. Тот самый, которого когда-то Тор шлёпнул за возглас «Ухр Сан-Сан!» Как прояснилось позже, повторение имени означало что-то вроде прилагательного «великий»: Нур – высокий человек, Нур-Нур – великий высокий...

Осторожности, конечно, детям не хватало, и двух цыплят в своих играх они успели задупшить. Все, кажется, ждали за это моего гнева. И пришлось для вида погневаться – чтоб не придушили остальных.

Потихоньку первая секция птичника поднималась. Ещё немного, и выводок можно перевести в стандартные условия, а временную загородку использовать для куриных «прогулок на воздухе».

За выгрузкой из вертолёта сборных элементов и застал меня Вук.

Как и в прошлый раз, он появился неожиданно, будто возник из ничего, и протянул ко мне пустые руки.

– Сан! Сан! – заорал он и быстро залопотал что-то на своём языке. Но я его не понял, так как мыслеприёмника на мне не было. А вот на нём – был! Тот самый, в котором он ушёл в прошлый раз.

Я снял мыслеприёмник с крючка возле дверцы, надел его и попросил:

– Повтори, Вук, что ты сейчас сказал, Я не понял.

– Я сказал, – ответил он, – что пришёл к тебе как вождь урумту. Теперь я вождь! Но в племени этого почти никто не знает. Так у нас положено.

– Рад за тебя, Вук! – Я улыбнулся. – Надеюсь, ты будешь справедливым вождём.

– Я буду сильным вождём! – Вук ударил себя кулаком в грудь. – У нас никогда не было такого сильного вождя, как я. Ни один вождь не имел такого ножа! Ты бросил мне из своей хижины лучший нож на земле. Поэтому я быстро стал вождём. Не бросай такого ножа больше ни одному ургу!

– Не брошу! – пообещал я с большим облегчением. – Какие заботы привели тебя сюда?

– Ты говорил, что двое наших скоро вернуться с жёнами из чужого племени. И с тёплыми хижинами. Где они?

– Они не вернуться. – Я постарался не опустить взгляд и лгать дальше с самым невозмутимым видом. Потому что сказать правду невозможно. Пример великого французского дипломата Талейрана вдохновлял меня. «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли!» – его афоризм сейчас пришёлся удивительно кстати. – Жёны твоих соплеменников, – объяснил я, – не захотели идти в твоё племя. Они узнали, что вы не выпускаете женщин из пещер, что женщины живут у вас без свежего воздуха. Это испугало их, и они увели ваших охотников в своё племя. Там женщины живут свободно. И поэтому живут долго. А тёплые хижины ваших охотников стоят пустые. Там до сих пор лежат их шкуры.

– Ты можешь отдать нам эти пустые хижины?

– Могу. Только скажи – зачем?

– У нас появилось двое глупцов. – Вук произнёс это с явным огорчением начальника, отвечающего за глупости подчинённых, – Они не хотят делиться своими женщинами с племенем. Они охраняют их и рычат на других охотников. Они даже перестали ходить на охоту. Ловят птиц на озере, собирают яйца и едят со своими женщинами. Не оставляют их.

– Эти женщины из новеньких?

– Да. Как ты узнал?

– Сыны неба знают многое... Для этих глупцов и нужны хижины?

– Для них, – согласился Вук. – Я не хочу, чтобы мои охотники дрались в пещерах. Пусть глупцы живут со своими жёнами отдельно!

– Ты прав! – поддержал я его. – Ты будешь хорошим вождём! У справедливого вождя охотники не дерутся между собой. Надо только научить глупцов обогреть хижины.

– Это трудно?

– Можно научиться. Те двое ваших научились... В нашей хижине нельзя жечь открытый огонь, как в пещере. Хижина сгорит. Маленькие твёрдые пещерки стоят в наших хижинах. Огонь держится в них. И выпускать его нельзя. Тогда будет тепло. Мы научим этому ваших глупцов и дадим хижины. Сколько понадобится!

– Как это сделать?

– Мы перенесём ваших глупцов вместе с их женщинами в наши хижины. Научим – привезём обратно. Вместе с хижинами. И поставим их возле ваших пещер. Глупцы поедут?

– Я заставлю! – Вук посмотрел на меня со снисходительной непреклонностью горного орла. – Не хотят жить как все люди, пусть учатся жить отдельно!

– Ты прав, вождь Вук! – снова поддержал я, – Пусть учатся! Сейчас я обо всём договорюсь с нашей пятёркой. Сиди, смотри и слушай!

Я показал Вуку на откидное сиденье, захлопнул на всякий случай дверцу вертолётки и вызвал сразу Совет, Фёдора Красного. Председателем в этот месяц был он. Включил и видик: пусть Вук полюбуется на эффектного вождя «сынов неба». А Фёдор пусть посмотрит на Вука – тоже теперь вождь...

– Важные новости? – спросил Фёдор и улыбнулся. – Не часто ты вызываешь Совет...

– Важнее некуда, – ответил я. – Новый вождь племени урумту сидит у меня за плечами.

Посмотри!

– Где-то я его видел, – признался Фёдор.

– В давней записи допроса.

– Вук?!

Услышав своё имя, Вук вздрогнул и заёрзал на сиденье. И в мыслеприёмнике прозвучал вопрос:

– Кто это, Сан?

– Наш великий вождь Фёд, – ответил я.

– Это ты ему меня представляешь? – догадался Красный.

– Это я вас знакоблю, – уточнил я. – Вдруг вожди сами захотят побеседовать?

– Так что ему надо? – поинтересовался Фёдор.

– Он согласен прислать двух курсантов в пустующие хижины из супердека. Причём курсантов вместе с жёнами. Эти жёны – из неведомых нам каннибальских племён. Курсанты хотят жить с этими женщинами отдельно. Первые сторонники парного брака... Вук, понятно, называет их глупцами. Но пришёл за них похлопотать. Уже отец народа... Может, обучить их и вернуть вместе с хижинами?

– Прекрасно! – Фёдор даже руками всплеснул от удовольствия. – Возрождается компьютерный вариант! Сам собой! Как это ты видишь практически?

– Наверное, нужны два вертолётки, и я в небе – для страховки.

– А в один не влезут?

- Пилот останется наедине с двумя охотниками. А руки у него заняты...
- Ты им не веришь?
- Лучше подстраховаться.
- Согласен. Когда и где?
- Дней за пять Вук дойдёт домой. Дня четыре они будут добираться до старых пещер.

Братъ лучше оттуда.

- Почему не от новых?
- Там народу поменьше. А значит, и возможностей для эксцессов.
- Значит, через девять дней?
- Давай ещё денёк накинём? Страхочный.
- Что-то у тебя зачастило это слово...
- Обжётся на молоке – на воду дую.
- Хорошо! Десять! И две команды.
- Сейчас при тебе буду договариваться. Слушай!.. Вук! Отсчитай на пальцах десять!

Вук понял меня и поднял вверх две руки – с растопыренными пальцами.

– Через десять дней, – сказал я, – на закате, приведи своих глупцов с их женщинами к старым пещерам. К той пещере, которая ближе всех к восходу. За глупцами придут две летающие хижины. Ты понял?

– Понял, – ответил Вук. – Я сделаю.

– У меня, Фёдор, ещё вопрос, – сказал я. – Для хижин надо приготовить что-то вроде фундамента. Придёт Вук ещё или нет, не знаю. Сейчас надо решить, при нём.

– В подробностях не силён, – признался Фёдор. – Вебер придумал что-то простое и удобное. Переключить тебя на него?

– Переключай.

Тут же на экране возник Теодор Вебер и так посмотрел на меня проницательными своими голубыми глазами, как будто спросил: «Будешь убивать?»

Я постарался не заметить сугубо личного его вопроса и коротко объяснил суть дела.

Вебер облегчённо вздохнул, и мне показалось, что его не оставляет чувство временности того, чем он сейчас владеет. Не позавидуешь...

– Включи факс, – тихо попросил он. – Набросаю эскиз.

Рисую эскиз прямо на экране факса, он объяснял:

– К хижине приварена платформа. Шесть на шесть метров. Диаметр хижины – четыре с половиной. Достаточно навалить на закраины платформы камни – и никакого фундамента не надо. Лишь бы площадка была ровная... Камни потом можно присыпать землёй.

– А внутри пол приподнят? Вода не зальётся?

– Конечно! – Вебер развёл руками. – Не тазик же мы сделали! Не беспокойся за них! Жить можно! Там ещё и крючки внутри, и петли. Чтоб вешали что хотят. Всё в одной отливке!

– Спасибо. Буду объяснять.

Я отключился и тут же услышал вопрос Вука:

– С кем ты говорил сейчас, Сан?

– Как у вас называют членов «пятёрки»?

– Первый, второй, третий...

– Вот это наш «третий». Все хижины – в его руках.

– Он нам даст?

– Даст. Просил подготовить для них две ровные площадки. Чтобы в длину было двадцать полных шагов, а в ширину – десять. Ну-ка, встань, сделай полный шаг – я посмотрю.

Вук поднялся, сделал полный шаг. Он был поменьше моего, сантиметров семьдесят. Достаточно! За эти секунды я включил магнитофон. У меня были к Вуку вопросы.

– Ты запомнишь, Вук? Повтори: двадцать полных шагов в длину, десять – в ширину.

Он послушно повторил и показал эти цифры на пальцах. Технические вопросы на этом уровне с ним вполне можно решать. Да и к телевидению он отнёсся спокойно, без потрясений. Видимо, само общение с «сынами неба» заранее настраивало его на сплошную цепь всяких чудес.

– По краям ровной площадки, – предупредил я, – приготовьте побольше крупных камней.

– Зачем? – Вук удивился просьбе.

– Глупцы вернутся, объяснят.

– Они будут знать больше меня? – В голосе Вука прорезалось возмущение.

– Больше тебя никто знать не будет. – Я решил отступить. – У вас бывают сильные ветры?

– Бывают.

– Они валят деревья?

– Редко.

– Вот чтобы такой ветер не свалил хижину, её надо окружить камнями. Тогда она будет стоять крепче дерева. Понял?

– Да.

– Теперь ты знаешь больше всех. Глупцы этого пока не знают.

– Они же глупцы. – Вук усмехнулся.

Мне показалось, что гостя пора покормить, я распечатал банку тушёнки и бутылку «Тайпы», протянул Вуку ложку и стаканчик.

– Поешь! Запей!

Вук занялся этим с явным удовольствием. Ещё в прошлый раз я заметил, что моя постоянная пища ему по душе. Нашлось единство вкусов!..

Пока он ел, я подкидывал ему вопросы для обдумывания:

– Как уводили вы новых женщин из лесов? Их защищали или отдавали легко?.. Ты сейчас не отвечай, Вук, ешь, потом ответишь... Как эти женщины живут в вашем племени? Им нравится у вас или нет? Ещё пойдёте в те леса за женщинами?

Вук проглотил порцию тушёнки и торопливо ответил:

– Пойдём! Женщинам у нас нравится. Лучше спать на шкурах, чем на деревьях.

– Их защищали?

Вук скривился, глотнул «Тайны» из стаканчика и ответил:

– У тех охотников только палки да камни. Они боятся нас.

– Убегают?

– Одни убегают. Другие отдают женщину за ногу оленя. Им трудно убить оленя.

– Вы не учите их делать копья и луки? Как вас учил Нур-Нур.

– Зачем учить? Чтобы они стали сильнее нас?

– Никого из ваших там не съели?

– Одного съели. Он заснул возле их женщины.

– Вы за него отомстили?

– Он сам виноват. – Вук усмехнулся. – Женщин сразу надо уводить подальше. Ему это сказали. Он не послушался. Молодой был.

– Какие женщины вам нравятся больше – прежние или новые?

– Новые! Они всему рады. И еде и шкурам. Часто смеются. А старые часто плачут. И долго говорят по-своему. А новые – сразу по-нашему.

– Вы и сейчас не выпускаете женщин из пещер?

– Новых выпускаем. Они не убегут.

– Ты пришёл ко мне один?

– Вождь не ходит один! – Вук произнёс это с явной гордостью. – Меня рядом ждут охотники.

– Много?

Вук поднял вверх три пальца. И пояснил:

– С каждым, кто в «пятёрке», ходят охотники.

Значит, проглядели их наши спутники в густых лесах... Видно, такие мелкие группы спутникам не по зубам. Да ещё при отсутствии специальных заданий... Вот где пробелы современной техники! Хорошо хоть урумту о них не подозревают.

– Вук, – спросил я, – в новых пещерах стены светятся?

– Нет, – отозвался мой гость, выскребая пальцами опустевшую банку тушёнки. Ложка для этого не годилась.

– А тёплая вода в пещерах есть?

– Только в двух местах. Но нам хватает.

– Ещё вопрос, Вук... Кто у вас колдун? Он входит в «пятёрку»?

Вук замер. Взгляд его стал испуганным. Глубоко сидящие глазки заметались, словно он почувствовал себя в ловушке. Совсем как в первом разговоре, когда я попросил назвать вождя племени.

– Что же ты молчишь, Вук? Забыл, кто у вас колдун?

– Я не скажу, – глухо отозвался мой гость.

– Боишься колдуна?

– Боюсь богов.

– Они защищают колдуна?

– Он говорит с ними каждый день.

– А ты?

– А я говорю только с колдуном.

– Не бывает так, чтобы ты сказал одно, а колдун – другое?

– Бывает.

– Кто решает, что делать?

– Пятёрка.

Ну, что ж... Вроде всё я выспросил, что хотелось. Будет над чем подумать и мне, и Совету, когда я переправлю ему магнитофонную запись... Чем же одарить Вука на дорожку, кроме тушёнки да последней бутылочки «Тайпы»? Уж так мы с Толей Резниковым ужимали груз на этот рейс... Кажется, ничего лишнего в вертолёте не отыщется...

Почти безнадежным взглядом обвёл я машину и вдруг заметил на крючке возле дверки, под мыслеприёмниками, две нитки стеклянных бус. Когда-то страшно давно, в конце самой сумасшедшей ночи своей жизни, когда искал я по всему Материку исчезнувшую Розиту, взял я три нитки бус в Нефти, для Лу-у. Одну, чёрную, отдал ей. Остальные повесил тут – и забыл про них. Нужды не возникало. После поездки на Материк всяких бус у Лу-у полно. А те две старые нитки так тут и висят – нитка прозрачных и нитка зелёных.

– Скажи, Вук, – спросил я, – есть среди ваших женщин одна, которая нравится тебе больше других?

– Есть, – охотно признался Вук. – Её зовут Ач.

– Оно из новеньких?

– Да.

– Подари ей эти бусы! – Я снял с крючка прозрачную нитку, на которой стёклышки пере-ливались синеватыми и красноватыми огоньками. – Может, она станет с тобой поласковой.

– Она и так ласковая.

– Тут не бывает предела, Вук, – грустно сказал я. – Поверь мне! Я тоже кое-что знаю о женщинах. И не забудь: через десять дней, на закате, у крайнего входа в старые пещеры. У крайнего на восход! Запомнил?

– Запомнил, – отозвался Вук.

На этом мы с ним простились, и я открыл дверку машины. Мыслеприёмника с гостя я не снял – не по забывчивости. Да и вещь уже принадлежала ему.

Как хорошо, что новоиспечённый вождь ничего не знает про официальные рукопожатия и официальные политические поцелуи! Мы обошлись без этого, но он всё равно ушёл очень довольный.

6. Нур-Нур среди аборигенов

Он умел разговаривать с местными жителями безо всяких приборов. Догадывался об этом я давно, ещё с первых мифов о Нур-Нуре. Теперь я это увидел. Племена в его исповеди менялись. Метод разговора оставался один: он легко читал чужие мысли и так же легко транслировал собеседнику свои. В коэме это были прежде всего разговоры с вождями.

Наверняка общался он так же и с колдунами, и с рядовыми охотниками. Но коэма этого не отражала. Она говорила о главном.

Никаких объяснений по способу общения Нур-Нур не давал. И, значит, с его точки зрения, это не требовало объяснений, было нормой. А уж для кого нормой – дело тёмное. Может, только для звездолётчиков? Может, с этого умения и начинался их первичный профессиональный отбор? Как у нас – отбор в гипнотизёры... Один умеет, другому от рождения не дано... Потому что если бы обладали свойством читать чужие мысли все жители планеты, то и облик её, и уровень бытия были бы там другими, глубокие политические распри стали бы невозможны, и сам Нур-Нур не остался бы здесь, даже если случайно и залетел.

На этой земле Нур-Нур спокойно проходил сразу к вождю племени, дарил ему какую-нибудь сущую безделицу, вроде искусно вырезанного из дерева свистка, и получал разрешение поставить свою надувную палатку на окраине селения.

А дальше начинался обычный быт, изучение местных нравов, помощь советами, приобретение друзей, знакомство с окрестностями и окрестными племенами. Когда Нур-Нур и его жена становились в каком-то племени в доску своими и крайне необходимыми – они неожиданно исчезали и объявлялись в другом племени.

Там начиналось то же самое, а тут их жалели, часто вспоминали, и они уходили в легенду.

Спустя долгое время они появлялись вновь – и их встречали почти как богов, вернувшихся из легенды. Если раньше с ними просто советовались, то со второго захода им беспрекословно повиновались. И вожди и колдуны принимали теперь их советы как указания свыше.

Именно в результате этих скитаний и появились у вождей тиары из перьев. Первую Азгу сплела для себя, от солнца. Вторую сплела мужу. Когда их издали стали узнавать по этим тиарам, Нур-Нур и Азгу начали дарить такие же тиары вождям. И убеждали их не убивать других вождей, а только брать в плен, требовать выкуп и даже женить на женщинах своего племени.

Постепенно тиары проникали и в те места, где не бывали звездолётчики. Вожди сами стали дарить друг другу тиары при заключении союзов и установлении мира. Обычай этот вышел из-под контроля Нур-Нура. С усмешкой он подытожил:

– Этого-то я и хотел.

Бывшие астронавты кочевали по материку много лет, и почти в трёх десятках племён успели пожить по три, а то и по четыре раза. Они спасали племена от соседних нападений, узнавая о них заранее. Они отговаривали «своих» вождей и колдунов от агрессивных акций против соседей, предсказывая верное поражение. Они лечили болезни и принимали роды. Вместе со здешними умельцами они изобретали салазки и колёса. Нур-Нур показал, как человек в набедренной повязке из пальмовых листьев везёт на деревянной двухколёсной тележке какую-то растительную поклажу. Колёса «жидкие», меняющие форму при движении, сплетённые из лиан, но это колёса! И, значит, где-то на юге материка мне предстоит их увидеть.

У Роли и Азгу появляется сын. Я вижу, как он, белокожий и рыжеватый, играет с темнокожими ребятишками. Такой же голенький, как и они. Но вот он вырастает и учится стрелять из какого-то оружия вроде нашего древнего фотоаппарата. И вдали, пронзённый мелькнувшей как молния световой стрелой, падает на бегу олень.

– Избегал я только людоедских племён, – признаётся Нур-Нур. – И из безразличности и из осторожности. Туземцы обычно угощают. Не хотелось по незнанию отведать однажды жареной

человечины. И самому не хотелось быть съеденным. Как ни берегись, но если живёшь среди людоедов, они тебя однажды сожрут. Поэтому среди них я не провёл ни одной ночи. Впрочем, у них и селений, как правило, нет. Кочуют по определённой местности, ограниченной более сильными племенами... И нет смысла в эту местность заглядывать. Хотя изредка приходится...

В четвертой коэме я и обнаружил начало рассказа о племени, которое называло себя урумку – люди лесов! – и жило не на деревьях, а в шалашах. Среди каннибалов оно было, пожалуй, наиболее развитым. Поэтому, как сформулировал Нур– Нур, «за него стоило бороться».

Однако борьбу пришлось отложить до следующего раза, так как ладонь моя под шестым пальцем уже ныла и отчётливо намекала на желательность перерыва.

...Лу-у знала: когда я зажимаю в руке коэму, не стоит меня отвлекать. Сути того, что происходит, она не понимала. Довольствовалась простым объяснением: я слушаю Нур-Нура. А значит, занимаюсь делом явно колдовским. Ибо не колдуну это недоступно: Нур-Нур давно ушёл к предкам.

Но уж когда я коэму отложил, можно и потревожить...

– Что это? – Лу-у держала за уголок переплёта раскрытый букварь, который извлекла из неразобранного багажа.

Страницы букваря рассыпались веером. Держала его Лу-у вверх ногами.

– Книга, – ответил я.

– Зачем это?

Она часто спрашивала «зачем», когда видела незнакомую вещь.

– Сядь рядом, Лу-у, – попросил я и пересел на раскладушку. – Давай посмотрим книгу вместе.

Первая картинка изображала разрезанный арбуз. Его я и назвал.

– Это кхет, – поправила Лу-у. – Но почему красный?

Внутренность кхета была бледно-оранжевой. И семена того же цвета, не чёрные. И отчётливых полос на кожуре кхета не водилось.

– У нас нет кхетов, – объяснил я. – Есть арбузы. Когда ещё раз полетим на ферму, я их покажу тебе. У них другой цвет и другой вкус.

Арбузы мы выращивали в теплицах. Только для детей. Потому что теплицы расширились слишком медленно. Лу-у в них заглядывала. Но, увидав там цветы, дальше не пошла.

Через страницу она увидела петуха и обрадовалась.

– Кок! – закричала она. – Смотри – кок!

На петухов она насмотрелась. А букварь шёл на неизменной «глобе» – смеси английского с русским.

...Над букварём мы просидели долго. Картинки жену мою заинтересовали. Букв она не замечала, и я решил не отвлекать пока на них внимание. Перелистывать страницы научилась быстро. Названия предметов запоминала сразу. Не думал я, когда брал с собою буквари, что именно так произойдёт первое знакомство с ними у купов. Но получилось вот так...

– Я хочу показать это Гару. Можно взять твою книгу? – спросила Лу-у.

– Конечно! У нас ещё есть.

Лу-у убежала вместе с книгой к братишке, и так первый на этом материке букварь пошёл извечным путём – к детям. Правда, пока не как букварь, а скорее как альбом.

На другой день к хижине Тора потянулись дети – как до этого тянулись женщины. И Лу-у без конца перелистывала перед хижинкой книгу, терпеливо называла предметы, объясняла их назначение – как сама поняла. Меня уже ни о чём не спрашивала.

За неделю букварь истрепали в клочья. Я отдал другой. В этот заглядывали и женщины. Вперемежку с детьми. Мужчины почему-то оказались к букварям почти равнодушны. И подумалось, что в предстоящей ликвидации безграмотности работа с мужчинами будет самой сложной.

7. Астронавты и каннибалы

О том, что урумку едят людей, Нур-Нур узнал в соседних племенах. Они избегали тех лесов, где постоянно шныряли быстроногие каннибалы.

Однако урумку сами врывались во владения соседей, захватывали одиноких охотников, вылавливали женщин и детей, которые собирали ягоды и грибы возле своих селений.

Если жители селений ловили людоедов, то убивали на месте. Никакой жалости к ним никто не испытывал. Но урумку потерь не замечали. Видно, не умели считать. И, разумеется, не понимали ценности жизней соплеменников. Коли уж ели их...

Озлобление и предельная жестокость окружали это племя. Лишь севернее него никто не жил, и под давлением ненависти соседей урумку постепенно и неохотно выжимались в более холодные места.

Нур-Нур и его жена, которую в местных племенах прозвали Уйка – белая важенка, – побывали в селениях и киров, и айкупов, и ту-пу, и других племён, живших южнее и западнее киров. Звездолётчики видели, как отравляют жизнь мирных племён энергичные и жестокие людоеды. Однако не сразу нашлась возможность помочь тем, кто вызывал симпатии и жалость.

Индивидуальные реактивные двигатели астронавтов были надёжны и рассчитаны на много лет. Пользовались ими бережливо. Поэтому и хватило их почти до конца жизни Нур-Нура. Уже и стариком совершал он недалёкие путешествия по воздуху. Но пояс северных озёр материка успел исследовать ещё молодым, и тогда же обнаружил пещеры, в которых светились стены и сдвигалась стрелка атомного счётчика.

В эти пещеры, за полосу озёр, и надумал Нур-Нур загнать каннибалов, которые отравляли жизнь всех окружающих.

– Там вымрут старики, которых всё равно едят после неудачных охот. – Так объяснял Нур-Нур жестокое своё решение. – Вместе со стариками, надеюсь, исчезнут и сами традиции людоедства. Иначе от них быстро не избавиться... Вблизи благодатных озёр голод этому племени не грозит. Птицы там – на века! Тем более я сразу решил, что научу племя делать луки и ставить ловушки. А заодно решил и застраховать его от возможных ошибок недалёких вождей. Хотя, как правило, вожди умнее окружающих... Но не всегда, увы, и не везде... Знаю это по своей несчастной стране и по своему космическому кораблю, с которого пришлось бежать... Поэтому я просто приказал племени урумку выбирать не одного вождя, а сразу пять. По числу пальцев на их руках... Чтоб не сбились со счёта... И приказал держать в тайне, кто из пяти – главный. «Выдадите главного, – предупредил я, – погибнете все. Сохраните его имя в тайне – будете жить! Так велят ваши боги, которых вы прогневили».

Себя Нур-Нур представлял не только этому племени, но и другим, посланцем сразу всех богов.

Целью же Нур-Нура было в данном случае ограничить власть вождя. Ибо если вождь – тайный, то и власть его не беспредельна. И правит практически не он один, а все пятеро. Впятером всё-таки наломают дров меньше...

Однако не мог Нур-Нур предусмотреть абсолютно всё. Не предвидел он и того, что какая-то очередная «пятёрка» закроет всем женщинам выход из пещер, увеличит их смертность, а это опять же превратит бывших каннибалов в бич для окружающих.

И всё-таки мирные племена получили хоть какие-то передышки. Порой большие – в несколько разливов! – от одного налёта до другого. А прежде ни дня спокойного у них не было. В любой день кто-нибудь где-нибудь исчезал. И все знали, что несчастного непременно сожрут.

Это напоминало то положение, от которого бежало когда-то с Восточного материка на Центральный племя ра. То самое, в котором погиб Марат Амиров... Но беглецов-ра вёл маленький «морской» народ гезов, знавший, что недалеко за морем есть пустая земля. А тут,

кроме киллов, «морских» народов не было. И что за морем, килы не знали, так как никогда не доплывали до другого берега. Никто не мог указать племенам путь бегства. Потому Нур-Нур и решил избавиться от источника несчастий.

Щедро показал мне астронавт северные пещеры, ещё пустые, до появления в них каннибалов. Он прошёлся по ним без космического скафандра. Да и как бы он прихватил скафандр для дальнего космоса, усаживаясь в планетную лодку на ближнюю и недолгую экскурсию? И зачем скафандр в бегстве?

Его глазами увидел я изумительно красивые гроты, тихие подземные ручьи и пруды. Его ушами услышал размеренную неостановимую капель и рёв подземных водопадов. Были здесь сталактиты и сталагмиты самых причудливых форм и расцветок, были узкие коридоры и просторные залы. И всё это Нур-Нур не на плёнку снимал, а восстанавливал по памяти. Какова же была его образная память!..

– Поймут ли эту красоту те, кому она досталась? – размышлял автор коэм. – Хотелось бы, чтоб хоть какую-то малость поняли, чтоб смягчила эта красота их необузданные ожесточённые души. Если буйное племя станет в пещерах поспокойнее, полегчает и его соседям. Когда-нибудь оно отсюда уйдёт – хорошо бы не людоедским! Мне этого не увидеть – уже немного осталось... Но, может, увидишь ты? Прочитавший мои заметки и задумавшийся над моей несладкой судьбой... Не к такой судьбе готовил я себя. Не ради неё ушёл в космос. Но и продолжать его исследование, сознавая себя убийцей и слугой убийц, тоже не мог. Мой славный командир Капи, может, обнаружит другие цивилизации и вернётся на родину героем. Но не завидую я тем, кто будет греться в лучах его славы. В их глазах до конца их дней будет стоять атомный гриб над несчастным островом погибшего племени.

И вновь увидел я багрово-чёрный гриб, всплывший в памяти Нур-Нура. Увидел уходящим вниз, вдаль, под редкие серебристые облака. Каким видел его молодой звездолётчик Роли из поднимающегося на околопланетную орбиту прозрачного шара.

– Главное я изложил, – заканчивал Нур-Нур четвёртую коэму. – Остались соображения, которые не вписались в сюжет, но могут тебе пригодиться. Кое-что приходило в голову по ходу моей повести. Но не хотелось прерывать её и возвращаться к сказанному. Кое-что было в стороне от сюжета. Посмотри, послушай. Надеюсь, я тебе не надоел?

Нур-Нур кокетничал. Слушать и смотреть было интересно. И он не мог этого не понимать. Если бы не шестой палец, я проглотил бы его мемуары за день.

Впрочем, мне предстояло вернуться к их началу, просмотреть и прослушать всё по второму разу и продиктовать на плёнку максимальное количество полученной информации. Чтобы она дошла до всех! Чтобы стала частью нашего общего культурного фонда.

Было над чем подумать. Ведь и мы прошли возле того таинственного радиомаяка, о котором говорил Нур-Нур. Как раз я и услышал его во время своего космического дежурства. Чей же он был? Если тех цивилизаций, которые навещают нас на НЛО, то новой информации мы им не добавили. О Земле они знают давно и, видимо, всё. Как, впрочем, и о цивилизации возле звезды Зеры. Зачем же маяк, если о самых ближних всё известно? Неужели он просто забытый, заброшенный след первых выходов в дальний космос?

Пересказ коэм был исключительно моим делом. Не имел я права перевалить на кого-то такую работу. Если уж взялся за гуж...

Однако и ограничиваться пересказом не хотелось. В конце концов, у каждого эти коэмы вызовут какие-то комментарии и ассоциации. И ничто не будет лишним. В том числе и мои. И в том числе – к расшифрованному сегодня рассказу о судьбе племени урумку, которое стало в итоге племенем урумту.

Рассказ невольно напомнил мне знакомую из курса русской истории тяжкую судьбу миллионов российских стариков в последнем десятилетии двадцатого века. Стариками тоже решили пожертвовать ради изменения идеологии страны. Именно поколение, родившееся в

эпоху Ленина и Сталина, вынесшее на себе грандиозную войну с фашизмом, считалось главным носителем марксистских взглядов. А взгляды эти решено было искоренить. На худой конец – вместе с носителями. И для незащищенных стариков России были созданы невыносимые экономические условия, которые косили их почище эпидемий. На миллион людей в год убывало население России. Как во время крупнейшей войны... Причём характерно, что решение об этом принимали те же правители «передовых» государств, которые непрерывными бомбёжками уничтожили экономику маленький Сербии, пытаясь «вбомбить её в каменный век». А выполняли решение временщики, правившие в то время Россией.

Позднейшие историки окрестили «людоедами» и заказчиков и исполнителей этой бесчеловечной акции. А марксистские взгляды подхватила молодёжь России, и они стали неискоренимыми в моей стране. Вариант Нур-Нура тут не прошёл. Потому что был он с другим математическим знаком. А вот параллель сама прочертилась. И в свой пересказ я её непременно вставлю. Пусть тоже войдёт в наш культурный фонд...

Все параллели, однако, были впереди, а сейчас предстояло взяться за пилу. В буквальном смысле: распилить на чурбаки три ствола, которые занимали место на окраине селения. Здесь предстояло поставить небольшую печь для сжигания куриного помёта.

Деревья мы валили двуручной пилой вместе с Щуром, Саром и Кыром. Я специально не взял с Материка бензопилу, чтобы научить купов пользоваться пилой двуручной. Как научились они пользоваться ножовкой.

Валили деревья ради места для птичника. Пеньки я осторожно подорвал специальными патронами и укатил к реке сквозь кустарник. Может, когда-нибудь они сгодятся для прибрежной скамеечки... Сучья с лежащих стволов спиливали ножовками все, кому не лень. Даже мальчишки. И сучья сгорали в кострах. Теперь предстояло избавиться от стволов.

Первый чурбачок весело отпилили мы с Щуром. Я перевернул чурбачок «на попа», присел и громко дал ему название на «глобе»:

– Блок!

Надеялся я, что чурбаки станут своеобразными стульями возле костров. И может – в отдалённой перспективе! – вообще научат купов сидеть на стульях. Если, конечно, не сгорят прежде в кострах...

Кроме того, чурбак был изображён в букваре, на второй странице, при латинской букве «В». Знакомый предмет мог впоследствии облегчить и знакомство с буквой. Приходилось и это учитывать... А на языке купов подходящего понятия не существовало. Как не существовало и самих чурбаков.

После меня на чурбаке торжественно посидел Щур, потом, по очереди, мальчишки, а потом и Сар подошёл посмотреть, из-за чего такой ажиотаж.

С Саром мы легко и отпилили ещё один чурбак. А Щуру не терпелось снова взяться за пилу, я видел. И потому охотно уступил ему рукоятку.

Пока они с Саром пилили, подошёл Кыр. У него тоже руки зачесались... И неизменно благородный Сар пожертвовал ради него своим удовольствием. Потом чурбаки в охотку пилили Тор, Бир и даже малолетний Гар. Однако у него дело не пошло: силёнки не хватало. Купы сходились к поваленным стволам один за другим, и сначала образовалась очередь на пилу, а потом возникло и соревнование: кто больше чурбаков отпилит?

На скорость, слава аллаху, они не соревновались, ибо не имели ни секундомеров, ни элементарного понятия о ценности времени.

На отпиленных чурбаках расселись женщины, болтали ногами, обсуждали происходящее, за кого-то «болели», над кем-то смеялись. А работа шла! Второй ствол приканчивали. И всё весело, в охотку, с удовольствием.

В этом веселье Кыр и резанул себе пилой по пальцу. Брызнула кровь, и мне пришлось бежать за пластырем. Стрептимииоловый пластырь купам был знаком, многие им попользова-

лись, и, когда я плотно замотал палец Кыра, общественное мнение сразу успокоилось. Соревнование продолжалось, но темп несколько снизился. И я просил не спешить, и зрители то и дело кричали:

– Бла-бла! Бла-бла! Подожди!

Вслед за мной из соревнования вышел Сар. Все и так знали, что он тут самый сильный. Но ещё и как самый справедливый, он стихийно стал судьёй. И, чтоб не ставить своего любимца в трудное положение, из соревнования вышел и Тор.

В конце концов, стволы были распилены, и победителем Сар объявил Кыра, который продолжал работать, несмотря на «производственную травму». А я наградил самоотверженного пильщика второй двуручной пилой. Чурбаки весело растащили к кострам, и первое спортивное соревнование на Западном материке закончилось. К счастью, обошлось малой кровью...

Слово «блок» слышалось теперь в селении возле каждого костра и каждой хижины. Сразу вошло в быт.

Один чурбачок Лу-у деловито укатила в нашу палатку, присела на него, раскрыла букварь на второй странице и, радостно похлопав по чурбачку, ткнула пальцем в картинку.

– Смотри! Блок! Блок!

До этого она замечала на второй странице лишь изображение книги – «Бук».

Так чужая, непонятная и далёкая поначалу книга «Букварь» начинала обретать для Лу-у конкретную, совершенно осязаемую связь с жизнью.

8. Опять отрубленные головы...

О «спортивном» соревновании я докладывал Розите лишь на следующий вечер. Потому что в день соревнования развеселившихся купов неожиданно охватило праздничное настроение. Целая делегация женщин, во главе с Ньюлю – мачехой-сестрой Лу-у и, следовательно, моей теперь близкой родственницей – пришла просить о повторении знакомого телеконцерта. Давно не видали и очень соскучились...

Невинные желания народных масс лучше всего удовлетворять сразу. И я вытащил на взгорок к парашютному куполу экран и динамики. Всё было отработано. И концерт пошёл традиционно, кроме одной детали. Появился конферансье – живой и увлечённый. Он подал голос прямо на заставке, изображавшей наш Город.

– Я там была! – громко объявила Лу-у. – Это Город.

А потом она называла имена Омара, Розиты, Ани и каждый раз добавляла:

– Я его видела! Я её видела!

И хоть видела она далеко не всё и не всех, кого показывали, сам концерт невольно переходил для купов из области красивой сказки в область реальной жизни. Если кого-то или что-то видела своя девчонка, значит, это существует, и ещё кто-нибудь из купов может увидеть. Пусть и не всё, но хоть что-то!

Мне показалось, что именно в этом направлении текли мысли притихшего племени. Не могло же оно не понимать, что жизнь постепенно меняется, и не к худшему, а к лучшему, что ворвавшаяся в тревожные дни красивая сказка, невероятно далёкая и совершенно несбыточная поначалу, становится ближе и понятнее, начинает касаться то одного, то другого, входит в хижину вёдрами и мисками, ложками и перочинными ножами, юбками и сладостями, лопатами и пилами, меткими стрелами и крепкими инструментами. А сегодня ещё и «блоками», с которых смотреть сказку куда удобнее, чем с земли.

После концерта, разумеется, поплясали. И почему-то бросилось мне в глаза, что большинство женщин было в сатиновых или ситцевых юбках. А мужчины – все! – в шкурах. Привезти штаны хоть кому-то из них я не догадался.

Впрочем, станут ли они надевать штаны по одному? Наверное, тут необходимо что-то вроде массового порыва, стихийного вторжения моды.

Только как это организовать?

Может, с помощью карманов?

Первый в селении карман я собственноручно пришил на «рабочую» юбку Лу-у.

– Зачем это? – удивлённо спросила она. Я опустил в её карман сложенный перочинный ножик, ложку, зажигалку, которой Лу-у научилась пользоваться. И всё стало ясно. Лу-у даже попрыгала от радости, что можно не носить всякую мелочь в руках.

Вскоре карманы появились на многих женских юбках. Мужчины поглядывали на это удобство с явной завистью. И пытались пришивать карманы на свои шкуры. Но занятие было очень трудоёмким и неблагодарным. Карманы на шкурах и из шкур получались либо мелкими, либо косыми, либо быстро отваливались, либо эти «достоинства» проявлялись вместе.

Когда ажиотаж вокруг этой детали одежды стал понемногу утихать, я пришил на «рабочую» юбку Лу-у второй карман, симметрично первому.

Для купов это стало крупным техническим открытием. Интерес к карманам вспыхнул вновь и по сей день не угас. Вторые карманы появились у многих. Хотя о симметричности расположения и строгости формы говорить не приходилось. Но ведь не в том и суть! Важно освободить руки для работы! Когда-то, ещё в ранней юности, я прочитал шутку мужского портного: «Именно карман сделал человека человеком. Освободил руки!» И, собственно, та давняя шутка подсказала мне эту эпопею.

Так, может, карманами на шортах и соблазнить мне в будущем мужскую часть купов?

...Розита слушала мой «отчёт» с явно сдерживаемым нетерпением. Будто сама хотела рассказать нечто куда более важное. Я понял это по её напряжённым глазам, по вздрагивающим пухлым губам, по еле заметной снисходительной усмешке. И стал свёртывать рассказ. О Лу-у, разумеется, вообще не упомянул. Давно перестал упоминать её.

– Ну, а что у вас? – наконец, спросил я.

– Вчера ты нас не слушал? Развлекался?

– Развлекал! – уточнил я.

– А сегодня утром?

– По утрам стараюсь работать. Дурная привычка...

– Вчера передавали начало событий. Сегодня – продолжение.

– Опять ра?

– А кто же ещё?..

– Что они выкинули на сей раз?

– Пришли просить молоко, мясо, инструменты.

– Сами?!

– Своими ножками! Два дня топали вдоль дороги на Заводской район. Многие видели их из биолётов. Но не останавливали, понятно. Мчались мимо. Лишь бы не стреляли! Но они, как агнцы, шли без оружия.

– Это ново! Кого же они искали?

– Фёдора, понятно. Других не знают.

– Им же запрещено общаться с врагами!..

– Этих послало племя. Дети просят молока. Привыкли к сгущёнке... Фёдор обещал всё, что им надо. Но просил выдать убийц. Он принял послов торжественно, как послов иностранной державы. Накормил до отвала. До икоты! Только что не вымыл... – Розита усмехнулась. – Они пообещали доставить убийц. И даже согласились вернуться домой на вертолёте. Чтоб быстрее... Привыкли уже к машине... Вчера их отвезли, а сегодня они снова топают вдоль дороги обратно в Город.

– Сколько же их сегодня?

– Те же трое. Но с мешком. На этот раз их остановили, спросили, где убийцы Марата. Послы раскрыли мешок. В нём две головы... – Розита вздохнула. – Больше их не останавливают. Идут... Торопятся...

– Что их ждёт?

– А что с них взять?.. Фёдор обзванивает членов Совета, собирает предложения. Может, у тебя есть какие-нибудь?

– Не хватает опыта. Я имел дело всего лишь с трупами на реке. Головы у них были на месте.

Розита хмыкнула.

– Трудно с тобой говорить о серьёзных вещах.

– Давай о несерьёзных. К примеру, я готов принять вертолёт по радиолучу. Моя машина разгружена.

– Хорошо. Сообщу диспетчерам... Да, ты, говорят, когда-то забыл в Нефти мегафон. Искали, чей он. Нашли, что твой. Вернуть?

– Пусть вернут. Твой подарок... может, ещё и пригодится. Хотя пока всё тут мирно.

– Ты воспринимаешь его только как военное оружие?

– Другого опыта нет.

– А как атрибутику колдуна использовать не хочешь?

– Не приходило в голову.

Розита грустно и молча улыбнулась. Словно хотела сказать, что мне ещё очень многое туда не приходило...

Почему-то сейчас, впервые, я почувствовал, что она старше меня. Никогда прежде не было такого ощущения!

9. Где искать жизнь в Галактике?

– Трудно мне судить, насколько глубоки твои астрономические знания, – так начал Нур-Нур пятую коэму. – Не вижу смысла говорить об астрономии вообще. Это необъятно! Рискну лишь дать несколько практических советов, которые могут сберечь немало времени будущим исследователям космоса с твоей планеты. Когда-нибудь выйдете же вы в космос! Это неизбежно! А у нашей космонавтики уже есть небольшой опыт...

Надеюсь, ты понимаешь, что время – это самая крупная материальная ценность, выданная человеку, да и всему человечеству, вперёд, авансам. Растратить его зря, на пустяки и глупости, на поиски того, что найти в принципе невозможно – значит, зря растратить жизнь. Сэкономить его хоть где-то, хоть на чём-то – значит, продлить жизнь. А она у каждого одна. И у всего человечества тоже лишь один срок.

Практических целей для выхода в космос я вижу три. Первая – защититься от возможного инопланетного нападения. Защита может быть удивительно проста. Вот тебе картинка лишь одного варианта из многих – выстрелы облаками металлических иголок. Это парализует почти любое космическое оружие.

Нур-Нур представил себе такую защиту, и я увидел её. Впечатление было сильное. Иголки рассеивали любые лучи, отражая их частично и на сам агрессивный корабль. Иголки меняли траектории боевых ракет. Одна из них вернулась к пославшему её кораблю и разорвала ему бок.

– Вторая задача, – продолжал Нур-Нур, – найти родственные цивилизации и обменяться с ними информацией и опытом. Это сэкономит время. Третья задача – найти планету или планеты, пригодные для жизни, для переселения в будущем, когда твоя звезда Капи – или как ты её назовёшь! – отживёт свой век и станет реальной угрозой для твоей цивилизации.

Первую космическую задачу быстро решат военные на первом же этапе выхода в космос. Знание дальнего космоса для этого не понадобится. Разве что использование звёзд в качестве ориентиров...

Вторая и третья задачи решаются вместе – дальним поиском. На основе научных данных. Их добывают различные обсерватории в горах и пустынях, на орбитальных спутниках и соседних планетах. Некоторые из них я видел своими глазами и воспроизвожу по памяти. Некоторые – по чужим съёмкам. Смотри и сравнивай!

Я смотрел и сравнивал. Сам я видел всего три земные обсерватории – Уральскую над Чусовой, чилийскую на Огненной Земле и Зеленчукскую на Северном Кавказе. Обсерватории родины Нур-Нура были крупнее, разнообразнее и эффектнее того, что видел я на Земле.

Но ведь и на Земле самых знаменитых обсерваторий я не видал! Так что судьёй тут быть не мне...

– В космическом поиске, – продолжал Нур-Нур, – экономить время – значит не искать там, где ничего нужного не найдёшь. То есть, необходим метод исключения. Как предшественник любого успешного поиска.

Возможно, ты уже знаешь, что такое двойные звёзды. Их невероятно много – почти половина всех звёзд нашей громадной звёздной системы. Они очень красивы, разнообразны и динамичны. Перед твоими глазами – несколько образцов... Двойные звёзды дают самые неожиданные эффекты при изучении в различных диапазонах спектра – видимых и невидимых. По двойным звёздам можно определять космические расстояния и изучать законы звёздообразования. Но всё это можно делать, не выходя за пределы зоны тяготения своей планеты. Для этого достаточно наземных и орбитальных обсерваторий. Бойся безумцев, которые скажут, что к двойным звёздам надо посылать корабли! Свяжи руки этим безумцам! Ведь никакая жизнь возле таких звёзд невозможна. Даже если и возникнут случайно рядом с ними планеты, они

будут разорваны быстро меняющимся тяготением двух светил. Жизнь на этих планетах возникнуть просто не успеет. Атмосфере там не бывать. И поселиться там способен лишь сумасшедший.

Теперь ещё немного о шаровых скоплениях, в которых наши учёные и фантасты когда-то предлагали искать древние цивилизации.

Большинство шаровых скоплений расположено не в плоскости нашей звёздной системы, а в её шаровой составляющей...

Тут мыслеприёмник мой выдал лаконичный термин земной астрономии: гало. Именно так обозначает она эту шаровую составляющую, в которую, собственно, и вписан спиральный диск нашей Галактики.

– По сути, – продолжал Нур-Нур, – и сама наша звёздная система возникла прежде всего как шар, начинённый шаровыми скоплениями. И лишь потом этот шар прорезала сначала газовая, а затем и звёздная плоскость, закрутившаяся спиралью. Она пронзила шар посередине и вышла далеко за его пределы.

Будто в планетарии моего родного уральского города представилась мне на чёрном фоне мерцающая общая схема нашей Галактики с её диском и проникающей сквозь него шаровой системой шаровых скоплений, которые словно очертили первоначальные контуры Галактики.

Нур-Нур помолчал минутку, пока я любовался картинкой, и заговорил вновь:

– Понятно, что часть шаровых скоплений оказалась в звёздной плоскости. Хотя генетически к ней и не принадлежит. Просто пронизывает её. Шаровые скопления старше, плоскость – моложе. Да и вообще, нынешние несколько сотен шаровых скоплений – жалкие остатки того, что было когда-то, на первом этапе жизни нашей звёздной системы.

По высоте подъёма над звёздной плоскостью можно определить относительный возраст и звёздных скоплений и отдельных звёзд. Чем дальше от плоскости – тем старше, тем меньше там различных элементов. И, значит, меньше шансов найти в очень старых скоплениях и возле очень старых звёзд первого поколения какие-то условия для жизни. Значит, и поиск в районе таких объектов – пустая трата времени.

Именно в шаровой составляющей («В гало!» – уточнил мыслеприёмник) больше всего невидимых и ни в каких лучах не осязаемых мёртвых звёзд и ненасытных пожирателей вещества. («Чёрных дыр!» – вставил мыслеприёмник). Это ещё один довод против того, чтобы искать тут жизнь или подходящие для неё условия. Достаточно астрономически определить подлинную массу звёздных скоплений и сопоставить с их видимой массой. Чем больше обнаружится невидимой массы, тем меньше шансов на жизнь. Невидимая масса нашего звёздного мира всегда мертва и обещает смерть всему живому, что к ней приблизится. Неумолимость этого космического закона мы поняли давно. Исключений он не знает.

То же самое и в центрах шаровых скоплений. Даже самых молодых, второго поколения, которые обнаруживают наличие тяжёлых элементов. Нет в этих центрах никаких цивилизаций и никакой жизни! Там можно найти либо ненасытный пожиратель вещества, разрушающий звёзды на дальних подступах, либо нейтронную звезду, убивающую всё вокруг жёстким излучением.

Да и звёзд там слишком много, они близки друг к другу и сталкиваются чаще, чем в иных местах. При этом уничтожаются планеты, если они где и возникли. И не допускается зарождения даже микроскопической жизни. Нечего там искать, незачем туда летать! Вполне достаточно наблюдений этих объектов со своей планеты.

Лишь на самых дальних окраинах самых молодых шаровых скоплений есть небольшие шансы найти что-то биологически интересное. Но уж никак не цивилизации! А за неведомыми микробами стоит ли далеко летать? Что, кроме новых болезней, могут обещать они?

Другое дело – скопления рассеянные. Они настолько молоды и разнообразны, настолько насыщены тяжёлыми элементами, что подходящие условия для жизни можно найти во многих. Особенно в тех, что расположены в зоне совместного вращения звёзд и межзвёздного газа.

– Смотри, – предупредил Нур-Нур, – сейчас ты видишь диск нашей звёздной системы не сбоку, как обычно, а сверху. Или снизу. В космосе эти понятия равнозначны... Обрати внимание, как вращается диск. Центральная часть – быстро, стремительно, средняя часть – медленнее, окраины – ещё медленнее. За ними тянутся рукава.

Почти по самой окраине диска межзвёздный газ вращается с такой же скоростью, как и сами звёзды. Только здесь! Поэтому и не образуется здесь сплошная ударная волна, порождающая новые звёзды в большом количестве. А именно ударные волны и можно назвать спусковым крючком звездообразования. Они дают толчок – и дальше работает гравитация. Она сгущает постепенно гигантские облака молекулярного водорода в звёздные коконы – будущие звёзды. Чем меньше ударных волн, тем меньше новых звёзд. Увы, новые, самые молодые звёзды своим сверхжестким излучением и убивают жизнь на больших расстояниях вокруг себя. Как раз из таких звёзд – горячих голубых гигантов и сверхгигантов – состоят почти сплошь дальние «рукава» нашей звёздной системы. Своим излучением они быстро убили бы вокруг всё живое, если бы оно там было. Но его там нет и быть не может. Изучать «рукава» лучше издали. Появляться там опасно. После этого долго не проживёшь...

– Узкую зону спокойного совместного вращения звёзд и межзвёздного газа, – уточнил Нур-Нур, – мы называем «поясом жизни». И мы в нём живём, и ты! И немало рассеянных звёздных скоплений плывёт по этому поясу, как по спокойной реке. Вне этой зоны, вне этой спокойной звёздной реки, очень мало шансов найти разумную жизнь. По крайней мере, мы вне этой зоны ничего и не ищем. И скопление «Феномен», о котором я уже говорил, находится почти в этой зоне. Чуть-чуть приподнято над нею. Что и говорит о его возрасте: моложе всех шаровых и старше всех рассеянных.

В этой зоне совместного вращения примерно семьдесят миллионов спокойных жёлтых звёзд – таких, как твоя Капи и наша Зера. Почти половина из них имеет подходящие по размеру планеты – такие же, как твоя, где гравитация не раздавит человека. Вполне достаточно для поисков! Ни одна цивилизация за всю свою историю не сможет столько обследовать. Да и зачем ходить далеко, если всё нужное можно найти близко?

– Конечно, – Нур-Нур вздохнул, – и твоя цивилизация и моя крутятся на крохотном участке этого необозримого «пояса жизни». Дальние его зоны находятся позади бушующего центра нашей громадной звёздной системы – никогда нам не посетить его, и даже в телескопы не увидеть. Яркий центр, где звёзды сталкиваются, дробятся, уничтожаются и рождаются, всё заслоняет и забивает. Но отрадно сознавать, что эти дальние зоны жизни всё-таки существуют, что там наверняка найдутся такие же люди, как мы с тобой, что во Вселенной мы не одиноки. Хоть и не можем обменяться с теми людьми ни мыслями, ни сигналами. Но люди там есть! В это я верю. И тебе советую...

– К сожалению, – продолжал Нур-Нур, – никто не может предсказать, что ждёт «пояс жизни» через четыре с лишним миллиарда лет, когда к нашей звёздной системе приблизится другая, в несколько раз большая. Вот эта красавица, погляди!

...В моём мозгу возникла знакомая с детства лихо закрученная в наклонном положении спираль туманности Андромеды. Знал я, что Нур-Нур может воспроизвести всего лишь фотографию, и то по памяти, но казалось, будто крохотные звёзды её подмигивают холодно и предупреждающе, словно живые. Будто и не фотография это, а прямое наблюдение в сильный телескоп.

– Начнётся взаимопроникновение звёздных систем. – Нур-Нур опять грустно вздохнул. – А по сути, пожирание меньшей системы. То есть нашей. Почти все звёздные системы разбегаются. Но эти две, на нашу беду, сближаются. И наша система растворится в своей громадной

соседке. Всё перемешается! Река «пояса жизни» разобьётся для начала на мелкие «озёра». Сольются ли они когда-нибудь в новую реку? Какой она станет? Где пройдёт? У чьих богов искать на это ответ?.. Но пока мы живы, и дом наш пока цел...

Общая картина Галактики вновь возникла в моём мозгу так ясно, так отчётливо, будто видел я её воочию в уральском планетарии. Громадный и вроде бы туманный диск из ста миллиардов звёзд. Ажурные купола мерцающего гало и над диском и под ним. Ослепительно яркий шар галактического центра – балдж, как говорят астрономы, а где-то в сердце его – невидимая ненасытная чудовищная «чёрная дыра», дробящая звёзды и лихо закручивающая весь галактический мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.